

ГАБО

— КНИГА ТРЕТЬЯ —

ПОВЕЛИТЕЛЬ СТАИ

ГАБОЛАЕВ
ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Георгий Габолаев

Габо: Повелитель стаи

«Автор»

2026

Габолаев Г. В.

Габо: Повелитель стаи / Г. В. Габолаев — «Автор», 2026

Охотник Габо похоронил саблезубого тигра в Индии и чудовищного медведя на Урале. Он думал, что след оборвался. Но из Карелии приходит звонок: возле глухого посёлка исчезают собаки, потом скот, потом люди. Волки, которые не боятся огня, считают часовых и открывают двери. Вместе с верным псом Вульфом и напарником-майором Габо отправляется на север — и находит стаю, которой командует зверь, выведенный в секретной лаборатории. Умный. Терпеливый. И воюющий не за территорию, а за то единственное, что у него отняли люди. Чем глубже Габо идёт по следу — к заброшенному объекту среди болот, к криокапсулам, к архивам проекта, — тем яснее понимает: настоящие чудовища не носят шерсть. А когда из темноты выходит тот, кого даже повелитель стаи боится, охотнику придётся решить, какой правдой стрелять. Финал трилогии о Габо. Последняя охота — та, где зверя жаль, а выстрелить всё равно придётся.

© Габолаев Г. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Запах корицы	5
Глава 2: Ночной курьер	27
Глава 3: Голос из Карелии	51
Глава 4: Сборы	58
Глава 5: Дорога на север	68
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Георгий Габолаев

Габо: Повелитель стаи

Глава 1: Запах корицы

Габо спал тяжело, без отдыха.

Это был не сон, а провал. Тёмный, плотный, с редкими вспышками чужих мест: шахтный коридор, красный аварийный свет, мокрый камень под ладонью, чёрная шерсть на снегу, пустое лицо Романова перед смертью. Образы не складывались в историю. Они просто давили изнутри, как будто кто-то перебирал его память грязными пальцами и искал нужную полку.

Дом вокруг молчал.

Снаружи стояла ночь. Старая, густая, лесная. Ветер шёл по кронам сосен, но до стен почти не добирался. Толстые ставни держали холод, брёвна поскрипывали редко, лениво, как старые кости. В комнате пахло деревом, кожей, оружейной смазкой и псом. Настоящим домом Габо. Домом, где каждая вещь имела вес, место и назначение.

Вульф лежал у кровати, большой чёрной массой на тёмном полу. Он вроде бы спал, но это был собачий сон охотника: тело отдыхает, уши живут отдельно. Грудь поднималась медленно, тяжело. Одна лапа вытянута вперёд, морда лежит на ней, но нос иногда дёргается, ловя воздух.

Габо не двигался.

Потом ему приснилось, что он проснулся.

Не от звука.

От запаха.

Запах пришёл тихо, почти осторожно, как зверь, который знает, что его могут заметить. Сначала просто тёплое тесто. Потом масло. Потом корица, сладкая, густая, живая. Она не висела в воздухе — она входила в комнату, заполняла щели, ложилась на язык, пробиралась под кожу. Слишком настоящая для сна. Слишком чужая для этого дома.

Габо открыл глаза.

Комната была такой, какой должна быть: тёмный потолок, шкаф у стены, тяжёлые шторы, узкая полоса лунного света на полу. Рядом Вульф. У изголовья — тумба, на ней нож, часы, старая латунная гильза, которую Габо использовал как пресс для бумаг. Всё на месте.

Но запах шёл из кухни.

Габо медленно сел.

Он не помнил, чтобы топил печь. Не помнил, чтобы оставлял что-то в духовке. У него вообще не было привычки печь. В этом доме можно было найти оружие на любой вкус, патроны под десяток задач, аптечки, карты, старые шкуры, сухпай и холодное мясо для Вульфа. Но не булочки с корицей посреди ночи.

Он опустил ноги на пол.

Доски были тёплыми.

Габо нахмурился. Пол в спальне ночью всегда оставался холодным. Особенно у кровати, где сквозняк тянул из-под двери тонкой ледяной полосой. Сейчас дерево под ступнями хранило мягкое тепло, будто кто-то ходил здесь босиком не минуто, а весь вечер. Не просто прошёл. Жил.

Из кухни донёсся женский смех.

Лёгкий. Негромкий. Почти домашний.

Габо замер.

Смех повторился, и за ним пошёл голос. Слова ещё не разобрать, но интонацию он узнал сразу: тёплая насмешка, привычная лёгкость, будто разговор начался давно и не прерывался.

Так говорят не с гостем. Так говорят с тем, кто должен сидеть рядом, молча слушать и делать вид, что ему всё равно.

Габо встал.

Рука дёрнулась к ножу на тумбе. Он остановил её на полпути.

Сначала понять.

Вульф поднял голову. Пёс смотрел не на хозяина, а на дверь. Уши напряжены, глаза открыты полностью. Шерсть на загривке ещё лежала ровно, но тело уже собрано. Не сонная тревога. Рабочая.

— Тоже слышишь? — тихо спросил Габо.

Вульф медленно поднялся.

Габо пошёл к двери.

Коридор был тёмным, но из кухни лился мягкий жёлтый свет. Он ложился на пол широкой полосой, тёплой и чужой. Пахло уже сильно: сдобой, корицей, горячим тестом, чем-то сладким и масляным. Запах был не просто приятный. Он бил по памяти. В то место, которое Габо давно закрыл на замок и не проверял, держится ли.

Он дошёл до кухни и остановился на пороге.

Она стояла спиной.

У плиты.

Чуть наклонив голову, помешивала что-то в миске. Двигалась легко, почти играючи. Плечи едва заметно покачивались, бёдра уходили из стороны в сторону, будто она слышала музыку, которой в доме не было. Не танцевала по-настоящему — просто пританцовывала, как человек, которому спокойно. Как человек, который готовит у себя дома и не боится спины за спиной.

Время на секунду перестало идти.

Габо смотрел на её волосы, собранные небрежно, на выбившуюся прядь у шеи, на тонкое движение руки, на то, как она чуть поворачивает голову, но не оборачивается. Этот силуэт был невозможен. И именно поэтому выглядел настоящим.

Она тихо засмеялась.

— Нет, ну ты сам подумай, — сказала она, продолжая мешать тесто. — Кто чинит духовку ножом? Нормальные люди берут отвёртку. Но нет. У нас же великий охотник. У нас всё можно решить клинком.

Голос был её.

Алиса.

Габо не ответил.

Она говорила так, будто он стоял здесь уже давно. Будто ничего странного не было. Будто она не умерла. Будто не было сгоревшего дома, подписанных бумаг, закрытого гроба, отчётов, фотографий, шахт, серверной и снимка с подписью «Лучший коллектив. 2016 год».

Будто всё это — ошибка памяти.

Или чужая ложь.

— Садись, — сказала она и снова тихо рассмеялась. — А то стоишь так, будто призрака увидел.

Габо вошёл.

Вульф остался в коридоре.

Он не переступил порог кухни. Просто стоял, низко опустив голову, и смотрел на женщину у плиты. Ни лая, ни движения вперёд. Только напряжение в лапах и тяжёлая тишина в горле.

Габо заметил это, но сел.

Стул под ним был тёплым. Это тоже было неправильно.

На столе стояла белая кружка с тонкой трещиной у ручки. Габо знал эту кружку. Знал скол на доннышке, неровную линию трещины, маленькое пятно, которое не отмывалось с внутренней стороны. Рядом лежали свежие булочки, ещё горячие. От них поднимался пар. На деревянной доске была рассыпана мука, белая и сухая. Рядом лежал кухонный нож с деревянной рукоятью.

Алиса продолжала говорить.

О тесте. О том, что оно опять поднялось не так, как она хотела. О том, что Вульфа нельзя пускать близко, иначе он сожрёт всё вместе с противнем. О том, что Габо снова смотрит на еду так, будто подозревает её в заговоре. Обычные слова. Домашние. Почти смешные.

От этого становилось хуже.

Потому что кровь, смерть и лабораторные архивы мозг ещё мог принять. Но это — нет. Габо смотрел на её спину.

— Ты не спросишь, как я здесь оказалась? — сказала она.

Он поднял глаза.

Она всё ещё не оборачивалась. Всё ещё чуть двигалась у плиты, будто в комнате звучала тихая музыка.

— Я пока решаю, хочу ли услышать ответ, — сказал Габо.

Она улыбнулась спиной. Он не видел лица, но понял это по движению плеч.

— Всё такой же.

Габо опустил взгляд на стол.

Что-то было не так.

Не с кружкой. Не с булочками. Не с паром.

С ножом.

Он лежал рядом с доской, но слишком правильно. Не как вещь, которую бросили после готовки. А как оружие, положенное под руку. Рукоять смотрела к нему. Лезвие уходило чуть в сторону, чтобы взять одним движением и не резануть пальцы. Даже угол был тот самый, боевой, привычный.

Габо медленно протянул руку и взял нож.

Рукоять легла в ладонь идеально.

Кухня дрогнула.

На миг стало тихо так, будто дом ушёл под воду.

И в руке был уже не кухонный нож.

«Пламя Юга».

Его нож. Тяжёлый, тёплый, настоящий до последней насечки на рукояти.

Габо сжал пальцы.

Мука на доске потемнела. Белизна ушла из неё, как из лица мертвеца. Она стала серой, сухой, похожей на пыль из шахты. На бетонную крошку. На пепел после пожара.

Габо медленно поднял взгляд.

Кухня начала меняться.

Не сразу. Не рывком. Тёплая реальность просто стала отслаиваться, как старая краска под жаром. Жёлтый свет побледнел. Углы вытянулись. Тени под столом стали гуще, глубже, тяжелее. Стена возле окна чуть дрогнула, и за стеклом уже не было двора.

Там стояли серверные стойки.

Ровные чёрные ряды. Мигающие зелёные огоньки. Красный аварийный свет в глубине. Кабели свисали сверху, как жилы вскрытого зверя. Где-то за стеклом мерцал экран, но надписи расплзались пятнами, не давая себя прочитать.

Запах сдобы начал портиться.

Сначала в него вошла горечь. Потом гарь. Потом газ. Потом палёная изоляция, горячий пластик и металл, который вот-вот лопнет от перегрева.

Габо поднялся.

Стул скрипнул по полу.

Скрип был уже не деревянный. Металлический. Как ножка лабораторного стула по плитке.

Алиса перестала пританцовывать.

Сразу.

Тишина стала плотной. Даже пар над почерневшими булочками замер, как дым на фотографии.

— Алиса, — сказал Габо.

Она молчала.

На стене над плитой проступила мокрая линия. Сначала тонкая, как трещина. Потом круг. Потом расходящиеся щупальца.

Спрут.

Габо почувствовал, как в груди поднимается злость. Не страх. Страх был бы проще. Злость была тяжёлой, холодной, почти звериной. Такой, которая не требует слов. Такой, которая потом заставляет идти по следу, пока след не кончится чьей-то глоткой.

— Повернись, — сказал он.

Она тихо засмеялась.

Теперь смех был не живым. В нём не осталось дыхания, тепла, случайности. Только звук. Похожий на запись, которую включили в пустой комнате.

— Ты всегда просишь не то, — сказала она.

— Повернись.

Она начала поворачивать голову.

Только голову.

Тело осталось спиной к нему. Шея шла дальше, чем должна, медленно, неправильно, с мерзкой плавностью. Волосы соскользнули с плеча, закрывая лицо. Габо сделал шаг к ней, и «Пламя Юга» стало горячим в руке, будто клинок держали над огнём.

Булочки на столе почернели. Корка растрескалась. Изнутри потекла не начинка, а тёмная густая кровь. Белая кружка с трещиной лопнула, и по столу побежала чёрная жидкость. За окном серверная вспыхнула красным.

Алиса повернула голову почти до конца.

Лица всё ещё не было видно.

Только рот.

И улыбка.

— Ты же сам видел, как я умерла, — сказала она.

В следующую секунду кухня взорвалась.

Сначала был свет — белый, слепящий, мёртвый. Потом удар. Стены разлетелись, стол поднялся в воздух, стекло пошло дождём, дерево хрустнуло, огонь ударил в лицо, горячий воздух вдавил дыхание обратно в грудь. Металл закричал где-то рядом, и весь мир сжался в один короткий, бешеный миг.

И тогда Габо проснулся.

По-настоящему.

Он резко сел в кровати, в темноте, с ножом в руке.

Несколько секунд он не двигался. Только дышал. Тяжело, рвано, как после драки. Он не помнил, как схватил нож. Не помнил, как сел. Не помнил, когда успел развернуться лицом к двери. Но рукоять была в ладони. Настоящая. Холодная. Пальцы сжимали её так сильно, что болели суставы.

В груди не было страха.

Там была ярость.

Дикая, чёрная, простая. Такая, от которой мир сужается до трёх действий: найти, поймать, вырвать ответ.

У двери стоял Вульф.

Не лежал. Не спал. Стоял, широко расставив лапы, с поднятой шерстью и оскаленной пастью. Рычал не на Габо. В сторону кухни.

Габо медленно повернул голову.

Дом был тёмным. Тихим. Настоящим.

И из коридора всё ещё тянуло корицей.

Он встал не сразу. Сначала просто сидел на краю кровати, сжимая нож и слушая дом. Сердце ещё било по рёбрам тяжело, зло, с перебоями. Дыхание выравнивалось медленно. Ярость никуда не уходила. Она не спадала — собиралась.

— Тихо, брат, — сказал он.

Голос вышел хриплым.

Вульф не отступил от двери. Только чуть повернул ухо, показывая, что услышал.

Габо опустил взгляд на нож. «Пламя Юга». Настоящий. Холодная рукоять, вес, баланс, едва заметная насечка под большим пальцем. Не сон. Не образ. Он сжал пальцы сильнее и поднялся.

— Проверим.

Он пошёл к двери не быстро и не рывком. Так идут по чужой территории, даже если это собственный дом. Шаг, пауза, вдох, проверка угла. Нож низко, вдоль бедра, лезвие смотрит назад, чтобы ударить сразу, без лишнего замаха. Вульф двинулся рядом, чуть впереди, но не закрывая обзор. Они давно так работали: пёс читал запах, человек читал пространство.

Коридор был тёмным.

Старые доски под ногами были холодными.

Габо отметил это сразу. Холодные. Как должны быть. Он остановился, провёл ступнёй по полу, проверяя не только температуру, но и сам факт нормальности.

— Уже лучше.

Запах корицы всё ещё был, но слабый. Не такой плотный, как во сне. Не тёплый, не живой. Скорее остаточный. Как след на снегу, который почти замело, но направление ещё видно.

Кухня была впереди. Дверной проём темнел прямоугольником. Никакого жёлтого света. Никакого смеха. Никакой печи, живущей чужой жизнью. Только холодная ночная тишина и запах, которому здесь не было места.

Вульф остановился у порога.

Габо тоже.

— Ждать, — коротко сказал он.

Пёс замер.

Габо вошёл первым.

Кухня была пустой.

Стол на месте. Стулья на месте. Окно тёмное. За ним двор, деревья, ночь. Никаких серверных стоек, никаких красных аварийных огней, никаких кабелей, похожих на вскрытые жилы.

Он стоял несколько секунд, не двигаясь. Слушал.

Тишина.

Габо сделал шаг к столу. На столешнице ничего не было. Ни булочек, ни белой кружки с трещиной, ни муки, ни пепла. Он провёл пальцами по дереву. Чисто. Сухо. Поднёс пальцы к носу. Ничего. Потом наклонился ниже, к краю стола, к узкой щели между досками.

Запах корицы стал сильнее.

Едва заметно. Почти на грани.

Габо медленно выпрямился.

— Значит, не просто сон.

Вульф тихо зарычал за спиной.

Габо обернулся.

Пёс всё ещё стоял на пороге кухни и внутрь не заходил. Его взгляд был прикован не к столу и не к окну. К плите.

Габо перевёл туда глаза.

Плита была холодной. Он подошёл ближе, осторожно, с ножом наготове, и коснулся поверхности тыльной стороной пальцев. Холодная. Проверил ручки. Выключены. Открыл духовку. Пусто. Никакого тепла. Никакой выпечки. Никакого газа.

И всё же запах был.

Габо усмехнулся одним краем губ.

— Ну конечно. Было бы слишком просто.

Он открыл шкаф. Тарелки, кружки, пара старых мисок. Всё на местах. Второй шкаф: крупы, чай, соль, пакеты, которые он сам бросил туда небрежно. Ящик под столешницей: кухонные ножи вразнобой, обычные, туповатые. Нормальные ножи Габо здесь не держал.

Он закрыл ящик и подошёл к холодильнику.

Секунду стоял перед ним, будто перед подозреваемым. Потом открыл.

Холодный белый свет ударил в глаза. Внутри всё было как обычно: мясо для Вульфа, контейнер с едой, бутылка воды, пара банок соуса, яйца, сыр, несколько банок холодной колы. Порядка там не было, но это был его беспорядок. Без чужой руки.

Габо взял банку.

Металл был ледяной. Честный холод, грубый и простой.

Он закрыл холодильник плечом, поставил банку на стол и посмотрел на неё. Обычная банка. Красная, плотная, реальная. Габо не стал искать открывашку. Поддел язычок кончиком «Пламени Юга» и вскрыл её сухим щелчком. Газ вырвался наружу, шипение прозвучало слишком громко в ночной кухне.

Вульф чуть дёрнул ухом.

— Спокойно, — сказал Габо. — Это не «Спрут». Это сахарная дрянь.

Он поднял банку и начал пить. Жадно, крупными глотками. Холодная кола резанула горло, ударила в желудок, обожгла язык газом. Сладость была грубой, химической, настоящей. Не корица. Не сдоба. Не память. Просто холодная кола из холодильника.

Габо пил, пока банка почти не опустела. Потом опустил её, выдохнул и поставил на стол.

— Вот это уже похоже на реальность.

Он ещё раз оглядел кухню. Плита. Стол. Окно. Пол. Стены. Никакого знака. Никакой Алисы. Но запах всё ещё висел — слабый, наглый, упрямый.

Габо подошёл к окну и посмотрел наружу. Двор был пуст. Деревья стояли чёрными силуэтами. Небо низкое, луна за облаками. Никаких следов на земле из окна не разобрать, но в этом дворе он знал каждый куст, каждую тень, каждую неровность.

Что-то было не так.

Не во дворе.

В нём самом.

Он отошёл от окна.

— Пойдём.

Вульф наконец вошёл на кухню. Медленно. Обнюхал пол у плиты, ножку стола, потом остановился на том месте, где во сне стояла она. Втянул воздух, замер и тихо чихнул. Потом посмотрел на хозяина.

— Да, — сказал Габо. — Я тоже в восторге.

Он забрал банку колы, прихватил нож и вышел из кухни. В коридоре холод снова стал нормальным. Дом не дышал чужим теплом. Не притворялся живым. Только старые доски скрипели под ногами.

Габо вернулся в комнату, которую за последние дни превратил в нечто среднее между кабинетом, оружейным столом и полевым штабом.

На большом столе лежало всё.

Фотографии из лаборатории. Пожелтевшие снимки, разложенные по группам: учёные, медики, военные, оборудование, клетки, аквариумный цилиндр с мутной жидкостью. Отдельно — фото с подписью «Лучший коллектив. 2016 год». Алиса среди них. Живая. Спокойная. С той самой посадкой головы, которую невозможно спутать. Рядом лежала увеличенная копия. Габо обвёл её лицо красным карандашом, потом разозлился и зачеркнул круг, будто сама обводка была глупостью.

Чуть ниже лежало фото Лизы. Ещё одно знакомое лицо. Ещё один вопрос, который не хотел становиться ответом.

На другом краю стола лежали документы по «Бастиону»: копии страниц, записи Романова, схемы ДНК, таблицы фаз тестирования, пометки о В-12, В-17, S-982, А-03, В-03. В некоторых местах бумага была испещрена его собственными заметками: «когнитивное усиление», «человеческая ДНК», «агрессия», «потеря контроля», «официальная версия — ложь?».

Рядом лежали трофеи и образцы. Клык В-12. Коготь, почти чёрный у основания. Плотно закрытый пакет с куском шкуры и шерсти. Маленький контейнер с засохшей тёмной тканью, взятой с поляны. Чип из логова тигра — маленький, старый, почти смешной на вид. Именно он привёл к Романову.

Возле ноутбука лежали флешки. Одна чёрная, потёртая, найденная Вульфом в жилом модуле под шахтами. Другая — с частично спасёнными данными из серверной. Третья — резервная, на которую Алексей скинул всё, что удалось вытащить до пожара.

Открытый блокнот лежал ближе к лампе. На странице крупным, неровным почерком было написано:

«АЛИСА. 2016. ПОСЛЕ СМЕРТИ».

Ниже:

«ЗАПАХ КОРИЦЫ / СДОБЫ — НЕ СЛУЧАЙНОСТЬ».

Ещё ниже:

«ЕСЛИ ВУЛЬФ ЧУВСТВУЕТ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО В ГОЛОВЕ».

Габо сел за стол.

Большой свет он не включил. Только настольную лампу. Жёлтый круг упал на бумаги, фотографии, флешки и нож, который он положил перед собой лезвием вправо. Банку колы поставил рядом.

Вульф лёг у двери. Не расслабился. Просто занял позицию.

Габо взял фотографию с Алисой и смотрел долго. Лицо было обычным. Живым. Не призрачным. Не искажённым. Не тем, что пытались повернуть голову под невозможным углом в его сне. И именно это бесило сильнее.

Он положил фото обратно и взял чёрную флешку. Покрутил между пальцами. Маленький кусок пластика, переживший шахты, пожар, смерть В-12 и чужую зачистку.

— Ну что, зверёк, — сказал он тихо. — Посмотрим, что ты прячешь.

Он вставил флешку в ноутбук.

Экран ожил не сразу. Сначала чёрное зеркало поймало его лицо: усталые глаза, жёсткая линия рта, тень ярости, которая ещё не ушла. Потом вспыхнула система, мигнул индикатор, и на экране появилось окно загрузки.

Полоса пошла медленно.

Слишком медленно.

Габо сидел неподвижно, с пальцами у края стола, рядом с ножом. Вульф у двери поднял голову. В комнате гудела лампа, тихо щёлкал остывающий металл банки, а за стеной кухня молчала так, будто ничего не произошло.

На экране проступили первые технические строки: повреждённые сектора, восстановление индексов, фрагменты архивов, нечитаемые названия файлов. Не личный дневник. Не послание. Сухие проектные данные. ДНК. Объекты. Серии. Перемещения. Протоколы. То самое мясо системы, которое всегда прячут под аккуратными папками и словами вроде «исследование».

Загрузка казалась невероятно долгой.

Полоса почти дошла до конца.

И тогда зазвонил телефон.

Габо смотрел на телефон.

Экран светился холодно, почти мертво, выхватывая из полумрака край стола, угол фотографии, чёрную флешку в гнезде ноутбука и рукоять ножа, лежащего рядом с его правой рукой.

Неизвестный абонент.

Ни имени.

Ни страны.

Ни нормального номера, за который можно было бы зацепиться взглядом.

Просто звонок.

В самый неподходящий момент.

Ноутбук всё ещё думал. Полоса загрузки почти доползла до конца, застыла в нескольких миллиметрах от завершения и больше не двигалась. Внутри корпуса тихо гудел вентилятор, будто машина сама напрягалась, вытаскивая из повреждённой флешки куски чужого проекта.

Габо не сразу взял трубку.

Он выдержал паузу.

Длинную.

Такую, после которой обычный человек на другом конце уже начал бы сомневаться, дозвонился ли вообще.

Вульф поднял голову. Не рычал. Просто смотрел на телефон, как смотрел бы на щель под дверью, из которой тянет незнакомым запахом.

Звонок продолжался.

Габо медленно взял аппарат со стола. Большой палец завис над экраном. На секунду взгляд скользнул к ноутбуку, к почти завершённой загрузке, к серым строкам, где уже проступали обрывки названий: генетические протоколы, таблицы образцов, отчёты по сериям.

Потом он резко принял вызов.

И заговорил не своим голосом.

Тон стал выше, суше, почти деловым. Без хрипоты, без привычной насмешки. Как будто трубку поднял не охотник среди ночи, а скучающий секретарь в приёмной.

— Приёмная мистера Габо, — произнёс он ровно. — Что вы хотели?

На другом конце на секунду повисло молчание.

Потом ответил другой голос.

Мужской. Напряжённый. Чужой. В нём слышалась не паника, а попытка её удержать.

— Нам вас посоветовали, — сказал он быстро. — Срочно нужна помощь вашего начальника.

Габо медленно откинулся на спинку стула. Глаза всё ещё смотрели на ноутбук, где загрузка почти добралась до конца и застыла, будто сама ждала, чем закончится разговор.

— И что же у вас случилось? — тем же изменённым, забавно-деловым голосом спросил он. — Птичка улетела? Надо поймать?

— Нет, — быстро сказал мужчина. — Волки.

Габо перестал улыбаться.

Только голос оставил прежним.

— Волки, значит.

— Наш город терроризируют волки, — продолжил мужчина. Теперь в голосе прорезалась настоящая дрожь. — Полиция не справляется. Охотников вызывали — двое не вернулись. Сначала думали, обычная стая. Потом начали находить тела. Пострадали дети и старики. С каждым днём становится хуже. Нам нужен эксперт.

Габо взял ручку.

Не торопясь.

Положил перед собой чистый лист, рядом с блокнотом, где всё ещё чернела запись про Алису, корицу и сон. Вульф поднялся у двери и тихо подошёл ближе к столу. При слове «волки» пёс не зарычал, но его уши встали.

Габо заметил.

— Ладно, — сказал он всё тем же голосом секретаря. — Я передам мистеру Габо. Опишите ситуацию. Коротко, без народных легенд. Адрес, контактный телефон, кто вы такой и сколько погибших.

Он поставил кончик ручки на бумагу.

— Говорите. Я записываю.

— Мы находимся в закрытом посёлке в Карелии, — сказал мужчина. — До нас тяжело добраться. Дороги плохие, связь пропадает, часть маршрута только по лесной трассе. Но мы вас встретим. Машину пришлём. Людей пришлём. Только пусть он приедет.

Габо держал телефон у уха и смотрел на экран ноутбука.

Загрузка всё ещё висела почти в самом конце.

Полоса застыла, будто решила подождать вместе с ним.

— Закрытый посёлок, Карелия, плохие дороги, — повторил он тем же чужим, деловито-противным голосом. — Прекрасно. Уже звучит как место, куда нормальные люди едут только по ошибке. Дальше.

Мужчина шумно выдохнул.

— Стая волков терроризирует город, деревни вокруг и пригород. Сначала нападали на собак. Просто уводили их. Ночью. Прямо с цепи, из дворов, из будок. Люди находили только кровь и обрывки ошейников. Потом начали пропадать охотники. Потом дети.

Ручка в руке Габо остановилась.

Он не поднял головы.

Только голос остался тем же.

— Дети, значит.

— Да. И старики. Они нападают не только в лесу. Уже подходят к домам. К школе. К дороге. Полиция ничего не может сделать. Обычные охотники тоже. Их отслеживают, будто это не волки, а... — мужчина запнулся. — Не знаю. Будто они понимают, где люди слабее.

Вульф подошёл ближе к столу.

Медленно.

Уши встали. Глаза смотрели уже не на телефон, а на Габо.

— Сколько погибших? — спросил Габо.

— Точно подтверждённых — девять. Пропавших больше двадцати. Но лес большой. Некоторые просто не вернулись. Мы не знаем, кто ещё жив.

Габо записал цифры.

Девять погибших.

Больше двадцати пропавших.

Стая.

Дети.

Старики.

Собаки.

Лес.

— Следы видели? — спросил он.

— Видели. Много. Слишком много. Они то появляются, то пропадают. Идут к лесу, потом будто растворяются. Иногда следы вокруг домов, но никто не слышит, как они подходят. Собаки молчат перед нападением. Понимаете? Не лают. Просто исчезают.

Габо медленно перевёл взгляд на Вульфа.

Пёс стоял неподвижно.

— А военные? — спросил Габо. — Вы сказали закрытый посёлок. Там есть база?

На другом конце снова повисла пауза.

Короткая, но неприятная.

— Есть. Но они базу почти не покидают.

Габо чуть улыбнулся. Уже своим лицом, но голос всё ещё держал чужим.

— Волки настолько страшные, что военные сидят за забором?

— Да, — глухо сказал мужчина. — Именно так.

Габо положил ручку на бумагу, но пальцев с неё не убрал.

— Ладно, — произнёс он. — Я передам мистеру Габо. Теперь адрес. Точный. Название посёлка, ближайшая станция, кто встретит, на чьё имя звонить. И телефон, по которому можно дозвониться не через кладбище.

Мужчина быстро начал диктовать.

Габо записывал аккуратно. Без спешки. Чужим голосом иногда переспрашивал буквы, номера, фамилию встречающего. На слове «Карелия» он поставил рядом маленькую чёрную точку.

Потом ещё одну.

Потом обвёл обе.

Когда мужчина закончил, Габо немного помолчал.

— Ожидайте ответа, — сказал он. — Если мистер Габо согласится, он свяжется с вами сам.

— Скажите ему, что времени нет, — быстро произнёс мужчина. — Сегодня ночью они снова пришли. Завтра может быть поздно.

Габо посмотрел на почти завершённую загрузку.

Потом на Вульфа.

— Я передам, — сказал он.

И отключил вызов.

Габо ещё несколько секунд смотрел на погасший экран телефона.

Потом положил аппарат рядом с блокнотом, экраном вниз.

— Ладно, — сказал он тихо. — Со звонком разберёмся утром.

Вульф стоял у стола и смотрел на него так, будто не был согласен с переносом этой проблемы на утро. Пёс уже успел услышать главное: Карелия, стая, дети, старики, закрытый посёлок, военные за забором. Для Вульфа этого хватало. Для Габо тоже.

Но сейчас на столе лежала флешка.

И она была важнее.

Не потому что Карелия могла подождать. Не могла. Но волки уже были новой охотой. А флешка была старым следом. Тем, который тянулся из шахт, через Романова, через «Бастيون», через индийского тигра и дальше — туда, где кто-то слишком давно расставлял клетки, номера и людей.

Габо подался к ноутбуку.

Окно загрузки всё ещё висело на экране. Система успела восстановить часть индексов до звонка, и теперь перед ним лежала не аккуратная структура архива, а свалка из полуживых папок, оборванных названий, битых видео и технических отчётов. Мусор для обычного человека. Для него — следы на мокрой земле.

Он подтянул поближе блокнот и взял ручку.

На первой странице уже были записи о сне, запахе корицы, Алисе, кухне и серверной. Габо перевернул лист.

Чистая страница.

Он написал сверху:

ФЛЕШКА. ЖИЛОЙ МОДУЛЬ. НАЙДЕНА ВУЛЬФОМ.

Подумал и добавил:

Не личный архив. Проектные данные. Сильно повреждено. Кто-то стирал не всё подряд, а выборочно.

Он открыл первую папку.

Название мигало с ошибками: `GENOME_SET_OLD`.

Внутри — таблицы. Куски последовательностей. Сухие обозначения видов, латинские названия, проценты совпадений, пометки о стабильности. Часть строк была нечитаемой: квадраты, обрывы, серые поля. Но основные направления считывались.

Медведи.

Тигры.

Волки.

Отдельная колонка — `HUMAN_INSERT`.

Габо долго смотрел на неё.

Потом записал:

Использовали не “человеческую ДНК” вообще, а фрагменты. Когнитивные модули? Нейронная пластичность? Поведенческая адаптация?

Романов говорил правду частично. Не “сделали умнее” — пытались дать структуру анализа. Цена: агрессия, злопамятность, ненависть.

Он открыл второй файл.

`V_SERIES_MUSCLE_DENSITY`.

Пошли графики. Мышечная масса, плотность связок, скорость восстановления тканей, устойчивость к холоду, пределы голода. Слова повторялись те же, что он уже видел в уральской лаборатории: усиление физических параметров, устойчивость, экстремальные условия, регенерация. Но здесь было больше. Не рекламный отчёт, не бумага для военных, а внутренняя рабочая грязь.

В одном фрагменте сохранился комментарий без подписи:

«В-серия демонстрирует лучшие показатели при изоляции, холоде и дефиците пищи. Социальное поведение нестабильно. При контакте с человеком — рост агрессии. При контакте с другими крупными хищниками — доминирование через уничтожение».

Габо усмехнулся без радости.

— Видел я ваше доминирование.

Он записал:

В-серия = медвежья линия.

В-03 — неудачный, фаза 1.

В-12 — рабочий/боевой результат, уральский объект.

В-17 — третий этап, видео, рекомендовано прекратить. Судьба неизвестна.

Общее: холод, масса, регенерация, ближний бой, подавление территории.

Он задержался на слове «территории», провёл под ним линию.

Потом приписал сбоку:

В-12 не просто жил в лесу. Он выстроил владение. Поляна медведей, шахты, “холодильник”, обходы лагеря. Поведение не случайное.

Следующая папка была повреждена сильнее.

S_SERIES_PREDATORY_RESPONSE.

Файлы открывались с третьей попытки. Часть изображений не грузилась, видео распадалось на полосы, текстовые отчёты перескакивали с середины на конец. Но там были силуэты. Кошачьи. Большие. Длинная линия спины. Мощные плечи. Удлиненные клыки.

Габо перестал двигаться.

Он знал эту форму.

Даже в разбитом кадре.

Даже через помехи.

Саблезубый тигр.

Не легенда. Не дух джунглей. Не последний случайно выживший реликт.

Объект.

Габо медленно выдохнул.

Вульф поднял голову.

— Спокойно, — сказал Габо, хотя сам был уже не спокоен.

На экране открылся технический лист.

OBJECT S-982. FIELD RESPONSE / INDIA CLUSTER.

Под ним — несколько строк, часть повреждена:

«...поведение после транспортного сбоя...»

«...клетка повреждена изнутри...»

«...объект покинул маршрут удержания...»

«...локальное население приняло активность объекта за мифологический феномен...»

«...строительный лагерь создал устойчивую кормовую и стрессовую зону...»

Габо медленно наклонился ближе.

Строительный лагерь.

Индия.

Он открыл следующий файл.

Там была карта.

Плохая, старая, с пропавшими секторами, но контуры совпадали. Джунгли. Дорога. Лагерь. Метки нападений. Почти те же точки, которые Раджив показывал ему на карте, когда они пытались понять, где зверь берёт людей.

Габо взял ручку.

Записал резко:

S-982 = тигр. Подтверждено.

Индия не случайность.

Клетка повреждена. Транспортный сбой.

Лагерь не причина появления, а кормовая зона после побега.

Миф о духе джунглей использовался как естественное прикрытие.

Он остановился.

Перечитал.

Потом добавил:

S-9834 ≠ тигр.

S-9834 = проект / отдел / трекинг-протокол S-серии.

Чип из клетки дал S-9834 + Романов.

Фото во второй лаборатории: S-982. Значит, тигр — S-982, а S-9834 — система наблюдения или маршрутная группа.

Это было важно.

Очень.

Он давно чувствовал, что номера не сходятся. Теперь начинали сходиться. Не красиво, не полностью, но достаточно, чтобы видеть скелет.

Габо открыл файл TRACKING_S9834_PARTIAL.

Экран мигнул.

Пошли строки логов.

Даты частично съедены. Координаты местами обрезаны. Но в некоторых местах сохранились пометки:

S-982 / активен

S-982 / отклонение от маршрута

S-982 / контакт с гражданской зоной

S-982 / рост агрессии

S-982 / вмешательство внешнего охотника

Габо замер на последней строке.

Вмешательство внешнего охотника.

Он открыл вложение.

Файл грузился долго. Потом выдал серию изображений: мутные кадры, снятые издалека, с высоты или с автоматических камер. Часть кадров была чёрной. Часть — зелёной, ночной. На одном виден лагерь. На другом — поляна с ловушкой. На третьем — разорванные сети.

На четвёртом кадре был он.

Габо.

Стоял у ловушки, чуть повернув голову, с винтовкой за плечом. Рядом тёмная фигура Вульфа. Качество плохое, но ошибиться невозможно.

Габо медленно сел глубже в кресло.

— Интересно.

Голос был тихий. Почти мягкий.

И от этого в комнате стало холоднее.

Он переключил кадр.

Снова он. Уже ночью. Стоит на границе света. Лицо размыто, но поза читается: готов к атаке. Вульф ниже, ближе к земле. На дальнем краю кадра — тень тигра.

Следующий файл был текстовым.

EXTERNAL HUNTER / FIELD VARIABLE.

Габо открыл его.

Документ был повреждён, но несколько абзацев сохранились почти полностью.

«Неучтённый фактор: прибытие охотника, идентифицированного местными контактами как Gabo Stormcroft. Объект S-982 изменил поведение после первого прямого контакта. Фиксируется смещение агрессии с группы гражданских целей на индивидуального противника. Возможная причина: конкуренция хищных поведенческих паттернов».

Габо медленно провёл языком по зубам.

— Конкуренция, значит.

Он продолжил читать.

«После контакта с охотником объект демонстрирует повышенную осторожность, но также признаки территориального вызова. Охотник не действует как типичная гражданская цель. Поведение охотника провоцирует объект на дуэльную модель взаимодействия».

Габо откинулся на спинку стула.

Дуэльную модель.

Он почти услышал смех Раджива, если бы тот прочитал это вслух. Потом увидел лица рабочих в морге. Потом — глаза тигра на поляне, когда сеть ещё держала, а зверь смотрел не как пойманное животное, а как равный, которому только что бросили оскорбление.

Габо записал:

Они наблюдали за охотой.

Не после. Во время.

Камеры / дроны / удалённая точка.

Знали, что я там.

Считали меня переменной, не угрозой?

S-982 переключился на меня после первого контакта. Это они видели.

Он нажал дальше.

Открылся короткий видеофрагмент.

Без звука.

Поляна. Ночь. Сеть падает на тигра. Тросы натягиваются. Тигр бьётся. Из тени выходит Габо.

Кадр дрожал, будто камера стояла далеко, на дереве или на каком-то автономном креплении. Потом увеличение. Лицо Габо, искажённое азартом. Тигр останавливается. Они смотрят друг на друга.

Видео оборвалось.

Габо не сразу нажал снова.

В комнате было тихо.

Только лампа гудела, ноутбук шумел, Вульф дышал у двери.

— Вот ты где был, зритель, — сказал Габо.

Он не знал, кому говорил. Тому, кто поставил камеру. Тому, кто потом забрал тело. Тому, кто сейчас где-то, возможно, всё ещё смотрел.

Он открыл следующий файл.

RECOVERY_NOTE_S982.

Часть текста была уничтожена. Но фрагменты сохранились:

«...после нейтрализации объекта внешним охотником...»

«...биоматериал не должен попасть к гражданским структурам...»

«...оперативная группа выдвинута...»

«...тело объекта подлежит изъятию полностью...»

«...чип слежения не обнаружен при первичной проверке...»

«...риск утечки: средний...»

«...Романов уведомлён...»

Габо медленно поднял взгляд от экрана.

Романов уведомлён.

Он взял ручку, но несколько секунд не писал.

Потом вывел крупно:

РОМАНОВ ЗНАЛ ПРО ИНДИЮ НЕ ПОСЛЕ.

ЕГО УВЕДОМИЛИ О ВОЗВРАТЕ S-982.

Ниже:

Люди, забравшие тело, искали чип. Не нашли.

Чип остался у меня.

Значит, они могли узнать, что я вышел на S-9834.

Вопрос: почему меня не убрали сразу?

Он постучал ручкой по бумаге.

Раз.

Другой.

Третий.

Потом дописал:

Варианты:

Недооценили.

Использовали как полевую переменную.

Кто-то внутри системы хотел, чтобы я дошёл до Романова.

Алиса?

Он долго смотрел на четвёртый пункт.

Потом не зачеркнул.

Оставил.

Следующий блок данных относился уже к «Бастиону». Там была связка между S-серией и В-серией. Не полная, но рабочая.

S-серия: кошачьи хищники. Проверка скрытности, реакции, одиночной охоты, страха как инструмента.

В-серия: медвежьи платформы. Масса, выносливость, бой, контроль территории.

А-серия: нестабильная. Водная/амфибийная или адаптационная линия — данных мало.

W-серия в одном битом файле мигнула и исчезла, не открывшись.

Габо остановил курсор.

W.

Волки?

Он вспомнил звонок.

Карелия.

Стая волков.

Собаки исчезают.

Дети.

Старики.

Военные не выходят с базы.

Габо медленно записал:

Возможна W-серия. Не подтверждено.

Звонок из Карелии — совпадением не считать.

Если стая = проект, угроза другого типа. Не одиночка. Иерархия. Вожак. Координация.

Он открыл ещё один файл, повреждённый почти полностью.

PACK_BEHAVIOR_PRELIMINARY.

На экране проступили только фрагменты:

«...групповая охота...»

«...синхронизация без звукового сигнала...»

«...перенос домашних собак как тест...»

«...дети и пожилые — низкое сопротивление, высокий стрессовый эффект...»

«...не выпускать в населённую зону без контроля...»

Габо перестал дышать на пару секунд.

Потом медленно повернул голову к телефону.

Он лежал экраном вниз, как мёртвая рыба.

— Вот же суки, — сказал Габо тихо.

Вульф поднялся.

Теперь он рычал.

Габо закрыл файл, но не выключил ноутбук. Сначала скопировал названия папок в блокнот от руки. Потом сделал отдельную страницу, уже аккуратнее.

Он писал долго.

Не как человек, который делает заметки для отчёта.

Как охотник, который раскладывает следы перед выходом.

S-СЕРИЯ

S-982 — саблезубый тигр. Индия.

Поведение: одиночная охота, засады, страх, вызов равному хищнику.

Статус: убит мной. Тело изъято «Спрутом».

Биоматериал у них.

Чип слежения остался у меня.

Связь: S-9834.

S-9834 — проект / протокол / трекинг S-серии.

Не путать с объектом.

Романов связан.

Индийский чип вывел на него.

В-СЕРИЯ

В-03 — неуспешный объект.

В-12 — Урал. Медвежья платформа. Пещерный медведь? Тигриная секвенция? Человеческая ДНК.

Поведение: территория, засады, разделение группы, логово, накопление трупов, память на ранения.

Статус: убит. Тело исчезло. Поляна переписана или зачищена способом, который не объяснить обычной техникой.

В-17 — видео. Третья фаза. Агрессия. Прекратить эксперименты. Судьба неизвестна.

А-СЕРИЯ

А-03 — цилиндр. Фаза 2. Данных мало.

Возможная водная/адаптационная линия. Не трогать без данных.

W-СЕРИЯ?
Файл битый.

Карелия?

Стая.

Собаки.

Дети.

Военные на базе.

Проверить утром.
Он остановился.
Потом добавил ещё один блок.
СПРУТ
Не просто финансировал.

Наблюдал полевые охоты.

Изымал тела.

Искал чип.

Стирал данные.

Оставлял живые серверы.

Мог вести несколько линий параллельно: S, B, A, возможно W.
Цель не только “создать зверя”.

Цель — управлять хищным поведением в разных моделях: одиночка, танк, стая, среда.
Габо положил ручку.

Пальцы устали. Не сильно, но ощутимо. Он давно не писал столько от руки.

Он снова посмотрел на видео с тигром.

Перемотал к моменту, где сеть уже легла на зверя, а он сам выходит из тени. Остановил кадр на взгляде. Размытая картинка, плохой угол, но всё равно видно: тигр смотрит прямо на него.

Габо тихо сказал:

— Значит, нас было не двое.

Он думал тогда, что это дуэль между ним и зверем.

А оказалось, кто-то смотрел сверху.

Смотрел, записывал, ставил пометки. «Внешний охотник». «Полевая переменная». «Дуэльная модель».

Габо медленно улыбнулся.

В улыбке не было веселья.

— Интересно, — сказал он. — Очень интересно.

Он взял лист с пометками, подвинул к себе фотографию Алисы, потом снимок тигра из архива, потом чип S-9834. Разложил их в одну линию.

Алиса.

Романов.

S-9834.

S-982.

Индия.

Бастион.

B-12.

Флешка.

Карелия.

Линия получалась грязная, рваная, но уже видимая.

Габо дописал последнюю строку внизу страницы:

Они знали обо мне раньше, чем я узнал о них.

Он закрыл блокнот.

Но ноутбук не выключил.

На экране всё ещё стоял кадр с саблезубым тигром, пойманным в ловушку, и Габо, выходящим из темноты.

Вульф подошёл ближе, положил морду на край стола и тихо выдохнул.

Габо провёл ладонью по его голове.

— Да, брат, — сказал он. — Теперь это уже точно не просто охота.

Габо убрал ладонь с головы Вульфа, но пёс не сдвинулся с места.

Стоял рядом со столом, смотрел на хозяина снизу вверх и молчал. Обычно Вульф в такие моменты подходил ближе, тыкался мордой в бедро, требовал внимания, как будто мог одной тяжёлой головой вернуть Габо обратно в нормальное состояние. Сейчас не подошёл. Только отступил на полшага.

Габо это заметил.

Значит, всё было хуже, чем ему казалось.

Он медленно поднялся из-за стола. Стул скрипнул по полу. На ноутбуке застыл кадр из индийской охоты: ночная поляна, сеть, тёмная туша саблезубого тигра, его собственная фигура на краю света. Фотографии Алисы лежали рядом, частично прикрытые листами с пометками. Чёрная флешка торчала из порта, как заноза в теле машины.

Габо не выключил ноутбук.

Не закрыл блокнот.

Не убрал нож.

Он просто встал и пошёл в ванную.

Дом был тихий. Слишком тихий после всего, что он только что прочитал. Доски под ногами скрипели коротко и сухо. В коридоре всё ещё держался слабый запах корицы, но теперь к нему примешивалось другое: железо, холодная вода из труб, старое дерево, пыль. Реальность возвращалась не полностью. Кусками.

Вульф остался у двери комнаты.

За Габо он не пошёл.

Пёс не любил эти состояния хозяина.

Не боялся. Нет. Вульф не боялся Габо. Но знал, что в такие минуты рядом с человеком стоит уже не совсем человек. Нельзя лезть мордой под руку, нельзя мешать, нельзя требовать команды. Надо ждать. Следить. Быть рядом, но не близко.

Габо вошёл в ванную и включил свет.

Лампочка над зеркалом моргнула, потом загорелась тусклым жёлтым светом. Маленькая ванная сразу стала слишком тесной. Белая раковина с трещиной у края, старый шкафчик, полотенце на крючке, следы воды на плитке. Всё обычное. Всё знакомое. Всё настоящее.

Он открыл кран.

Вода ударила в раковину резкой прозрачной струёй, разбилась о фарфор, пошла шумом по сливу. Габо несколько секунд смотрел на неё, будто пытался вспомнить, зачем пришёл. Потом наклонился, набрал воду в ладони и плеснул себе в лицо.

Холод ударил под глаза, в виски, в шею.

Он сделал это ещё раз.

И ещё.

Вода стекала по подбородку, капала на раковину, на грудь, на край стола под зеркалом. Габо выпрямился, не вытираясь, и посмотрел на себя.

В зеркале был он.

И не он.

Лицо бледнее обычного. Волосы растрёпаны после сна. На щеке след от подушки, на шее старая царапина, которую он уже перестал замечать. Глаза тёмные от бессонницы. Но дело было не в усталости.

Дело было во взгляде.

Он смотрел исподлобья. Низко, тяжело, будто из тени. Глаза не бегали, не искали, не сомневались. Они уже выбрали цель, хотя цели ещё не было перед ним. Только след. Только направление. Только запах крови в архивных строках.

Габо положил обе руки на края раковины.

Пальцы вцепились в фарфор так, что побелели костяшки. Вода продолжала течь. Шумела ровно, тупо, не понимая, что в комнате воздух стал плотнее.

Внутри вскипала ярость.

Не резкая. Не вспышка. Хуже.

Она поднималась из глубины медленно, как зверь, который долго лежал под землёй и теперь решил выбраться наружу. Хищная, жестокая, голодная. Не та злость, с которой человек ругается, бьёт кулаком по столу или ломает вещи. Эта была тише. Чище. Опаснее.

Она хотела не крика.

Она хотела горла.

Габо медленно вдохнул.

Потом выдохнул.

Не помогло.

В зеркале угол его рта чуть дрогнул.

Почти улыбка.

Нет.

Оскал.

Он увидел, как губы сами приподнялись, как обнажились зубы. В этом выражении не было веселья. Ни капли. Это была старая животная гримаса, которую он знал слишком хорошо. Та самая, что появлялась перед хорошей охотой. Перед ударом. Перед моментом, когда всё человеческое отходит в сторону, потому что мешает.

Он сдерживал этого зверя много лет.

Не запирал полностью — это было бы глупо. Без него Габо давно лежал бы в земле: в джунглях, в снегу, в шахте, под когтями того, кто оказался быстрее. Зверь спасал его. Давал скорость, злость, терпение, жажду преследования. Но зверя нужно было держать на цепи.

Последнее время цепь звенела слишком часто.

Тигр в Индии.

В-12 на Урале.

Серверная.

Запах корицы.

Фото Алисы.

Теперь эти файлы, где его охоту разобрали как лабораторную реакцию. Не человека видели. Не охотника. Не того, кто рисковал кожей среди мёртвых рабочих и чужой паники. Для них он был переменной. Полезной, интересной, наблюдаемой.

Внешний охотник.

Полевая переменная.

Дуэльная модель.

Габо наклонился ближе к зеркалу.

Вода стекала с лица на подбородок. По губе прошла капля, холодная и солёная от кожи. Он не моргнул.

— Спокойно, — сказал он себе.

Голос был низкий. Глухой.

Чужой.

Он снова вдохнул. Глубже. Медленнее. Попытался выровнять дыхание, как перед выстрелом. Счёт внутри головы: четыре на вдох, пауза, шесть на выдох. Работало раньше. После ранений, после потерь, после тех ночей, когда хотелось просто идти по следу до утра и не думать, кого найдёшь в конце.

Сейчас не работало.

В зеркале глаза стали ещё темнее.

Он видел в них джунгли. Видел тигра в сети. Видел медведя на поляне. Видел Алису у плиты, спиной к нему, с этим лёгким движением плеч, будто всё ещё звучала музыка. Видел слово «Карелия» на листе, детей, стариков, собак, исчезающих из дворов. Видел тех, кто сидел где-то далеко и считал всё это этапами.

Фазами.

Отчётами.

Материалом.

Оскал стал шире.

В нём на миг действительно проступили клыки — не настоящие звериные, нет, но выражение лица сделало их острее. Жёстче. Как будто человеческая улыбка не выдержала давления того, кто стоял за ней.

Габо тихо засмеялся.

Без радости.

Одним коротким выдохом.

— Вы хотели хищника, — сказал он зеркалу. — Вы его получите.

Он наклонился ещё ближе. Лицо почти коснулось отражения. Вода шумела, билась о раковину, стекала в слив.

— А когда я до вас доберусь...

Он не договаривал сразу.

Пальцы на фарфоре дрогнули. Внутри всё требовало продолжения: крови, боли, страха в чужих глазах, того момента, когда тот, кто привык смотреть сверху, вдруг поймёт, что теперь за ним идут по следу.

Габо закрыл глаза.

Сжал челюсти.

Дыши.

Не сейчас.

Не здесь.

Не на себе.

Он медленно разжал пальцы. Фарфор под ладонями остался цел. Хорошо. Значит, цепь ещё держит.

Габо снова плеснул водой в лицо. Один раз. Второй. Третий. Потом выключил кран.

Тишина ударила сильнее шума.

Несколько секунд он стоял, слушая, как последние капли падают в раковину. Кап. Кап. Кап.

Приступ начал спадать.

Не исчез. Просто ушёл глубже. Зверь отступил в темноту, но не лёг спать. Сел там, за рёбрами, и ждал следующей команды.

Габо вытер лицо полотенцем. Медленно. С усилием. Посмотрел в зеркало ещё раз.

Взгляд всё ещё был тяжёлый, но уже человеческий.

Почти.

Он выдохнул.

Длинно.

И в этот момент в дверь постучали.

Глава 2: Ночной курьер

Стук в дверь прозвучал в тот самый момент, когда Габо выдохнул.

Не громкий. Не истеричный. Обычный человеческий стук: костяшки по дереву, два коротких удара, пауза.

Но тело отреагировало так, будто в комнату ворвался зверь.

Габо резко повернул голову.

Вода ещё стекала с его лица, собиралась на подбородке, падала тяжёлыми каплями в раковину. Полотенце висело у плеча, но он до него не дотронулся. Пальцы, только что вцепленные в край фарфора, уже ушли вниз, под старый деревянный шкафчик у ванной.

Там, за узкой панелью, которой на первый взгляд вообще не должно было быть, лежал один из пистолетов.

Габо нащупал рукоять сразу.

Холодный металл лёг в ладонь так привычно, будто ждал именно этого стука. Большой палец сдвинул предохранитель. Механизм щёлкнул тихо, почти вежливо. В маленькой ванной звук всё равно показался слишком громким.

Он не думал.

Мысли пришли позже.

Сначала — оружие.

Потом — положение тела.

Потом — дверь.

Габо вышел из ванной без шума. Пистолет ушёл за спину, плотно прижатый к пояснице. Лезвие «Пламени Юга» оставалось на боку, но сейчас он не хотел начинать с ножа. Дверь — это расстояние. Расстояние лучше встречать стволом.

В коридоре было темно.

Только слабый свет из ванной лежал на полу мутным прямоугольником, а дальше начиналась привычная домашняя тень. После зеркала, после оскала, после того голоса внутри, который обещал добраться до «Спрута», дом казался не убежищем, а звериной норой, в которую кто-то только что постучал палкой.

Вульф стоял возле двери в рабочую комнату.

Не у входной.

Он не метнулся к порогу, как сделал бы при чужом запахе. Не оскалился. Не пошёл низом, готовый прыгнуть. Просто стоял, повернув голову к входу. Уши подняты, грудь неподвижна, хвост низко. Напряжение было, но не тревога.

Габо заметил это сразу.

Свой.

Или тот, кого Вульф считал своим.

Это не значило, что пистолет можно убрать.

Второй стук ударил по двери сильнее.

Дерево коротко отозвалось в коридоре.

— Открывай, недотрога! — донёсся снаружи знакомый голос. — Я принёс пиццу и ящик холодной колы. Много пиццы!

Габо остановился на полшага.

Алексей.

Голос он узнал не просто по тембру. По наглой паузе после слова «недотрога». По тому, как человек пытался шутить, даже когда стоял среди ночи у дома охотника, у которого в каждой второй щели мог лежать ствол.

Тот же голос хрипел в рации под землёй.

Тот же голос орал команды солдатам в шахтах.

Тот же голос, сорванный гарью и пылью, сказал тогда: «Береги себя, брат».

И тот же человек швырнул ему «Госпожу» в самый нужный момент, когда В-12 ещё стоял на ногах и ночь пахла кровью, дымом и смертью.

Габо медленно выдохнул носом.

Пистолет всё ещё был за спиной.

Он двинулся к входной двери.

Шёл кошачье.

Не пригибаясь. Не крадучись показно. Просто ставил ноги туда, где старые доски молчали. У этого дома был свой язык: одна половица жаловалась у стены, другая щёлкала ближе к лестнице, третья скрипела только если наступить на край. Габо знал все слабые места. Он строил этот дом не для красоты. Дом должен был предупреждать его о чужих шагах и скрывать его собственные.

Вульф пошёл рядом, но чуть позади.

Это тоже было знаком.

Если бы за дверью стояла угроза, пёс уже был бы впереди.

Габо встал сбоку от двери, не напротив. Правая рука за спиной. Палец лежит вдоль спусковой скобы, не на спуске. Лишняя нервность убивает не хуже медлительности.

— Один? — спросил он через дверь.

Снаружи послышалось возмущённое фыркание.

— Нет, с хором мальчиков, медведем и нотариусом. Конечно один.

Габо молчал.

Алексей вздохнул уже нормальным голосом:

— Один я, брат. Машина у ворот. Двигатель заглушен. За мной никто не шёл. Если хочешь, можешь сначала выпустить пса, пусть обнюхает мне совесть.

Вульф тихо фыркнул.

Габо посмотрел на него.

— Свой?

Пёс сел.

Не лёг. Именно сел. Спокойно, тяжело, с видом существа, которое уже сделало свою часть проверки и теперь ждёт, когда люди перестанут тупить.

Габо повернул ключ.

Засов пошёл туго, с низким металлическим звуком. Второй замок щёлкнул легче. Цепочку он не снимал до последнего. Сначала приоткрыл дверь на ширину ладони.

В щель пахнуло ночным холодом.

Лесом.

Бензином.

Пиццей.

И человеком, который недавно ехал быстро, ругался много и явно не собирался спать.

Алексей стоял на крыльце.

На нём была тёмная куртка, ворот поднят, волосы немного растрёпаны ветром. Под глазами тени, но взгляд живой, цепкий. В левой руке он держал три коробки пиццы, поставленные одна на другую. Ещё две были прижаты локтем к боку так, что верхняя опасно съезжала. В правой руке — пластиковый ящик с банками колы, покрытыми мелкими каплями влаги. Через плечо висела тяжёлая сумка.

Вот сумка Габо заметил первой.

Пицца была маскировкой.

Кола — приманкой.

Сумка — причиной визита.

— Ты выглядишь так, будто собирался стрелять в курьера, — сказал Алексей.
Габо снял цепочку и открыл дверь шире.

— Курьеры не приезжают ко мне среди ночи с тактической сумкой.

— Плохой сервис у вас в лесу.

— Зато чаевые свинцом.

Алексей усмехнулся, но глаза у него не улыбались. Он скользнул взглядом по Габо: мокрое лицо, волосы после воды, голые предплечья, пистолет всё ещё за спиной, нож на боку. Потом посмотрел мимо него в коридор, где Вульф сидел спокойно, но смотрел внимательно.

— Хорошо выглядишь, — сказал Алексей. — Если не считать лица человека, который только что спорил с зеркалом и проиграл.

Габо отступил в сторону.

— Заходи.

Алексей вошёл осторожно, хотя пытался делать вид, что всё обычно. Сначала переступил порог сам. Потом занёс ящик колы. Потом пиццу. Дом впустил его без скрипа, но только потому, что Габо держал дверь и смотрел, куда тот ставит ноги.

Вульф поднялся.

Подошёл к Алексею и начал проверку.

Не формальную. Настоящую.

Сначала ботинки. Грязь на подошвах, мокрая хвоя, дорожная пыль. Потом штанины. Потом сумка. На сумке задержался дольше, втянул воздух глубоко, шумно. Потом сунул нос к коробкам с пищей.

— Вот это, — сказал Алексей, глядя на пса, — дипломатический груз. Без провокаций.

Вульф посмотрел на него снизу вверх.

— Для тебя тоже взял, — добавил Алексей. — Мясная. Без лука, без соусов, без этой человеческой химии, от которой твой хозяин всё равно не умрёт, хотя активно старается.

Вульф перевёл взгляд на Габо.

Габо закрыл дверь.

Замки вернулись на место один за другим. Ключ. Засов. Цепочка. Только после этого он убрал пистолет из-за спины, поставил на предохранитель и, не пряча, положил на узкую полку у двери.

Алексей заметил.

— Один из многих?

— Один из ближайших.

— Уютно у тебя.

— Живой дом должен кусаться.

Алексей поставил пиццу на небольшой столик в прихожей, ящик колы — рядом на пол. Сумку с плеча не снял сразу. Держал ещё секунду, будто решал, начинать с еды или с того, ради чего приехал.

Габо смотрел на него.

Молчал.

Свет из коридора падал неровно. Половина лица Алексея оставалась в тени. На виске виднелся свежий тонкий порез, не опасный, но недавний. На рукаве — след земли. Не городская грязь. Лесная. Чёрная, влажная. На правой манжете — маленькое пятно засохшей крови. Не его, скорее всего.

Габо указал взглядом на рукав.

— По дороге за пиццей подрался с тестом?

Алексей посмотрел на манжету, потом коротко выдохнул.

— Потом.

— Значит, не пицца.

— Пицца тоже настоящая.

— Это единственное, что пока говорит в твою пользу.

Алексей наконец снял сумку. Она тяжело стукнула о пол. Внутри было нечто плотное: папки, металл, возможно, техника. Не одежда. Не еда.

Вульф снова посмотрел на сумку и тихо повёл носом.

Габо уловил это.

— Что там?

— Информация.

— Бумажная или такая, от которой потом горят серверные?

Алексей чуть поморщился.

— И та, и другая.

Габо несколько секунд смотрел ему в глаза.

Теперь шутки кончились. Не полностью — у них обоих это не получалось. Но под ними уже лежала другая вещь. Та самая, с Урала. После шахт люди либо становились ближе, либо расходились навсегда. Они стали ближе, но это не отменяло осторожности.

Особенно после «Спрута».

Особенно после Романова.

Особенно после того, как поляна исчезла так, будто её никогда не было.

Габо кивнул в сторону рабочей комнаты.

— Пойдём.

— Ты спал? — спросил Алексей.

Габо посмотрел на него.

Алексей понял.

— Ладно. Дурацкий вопрос.

Они прошли по коридору.

Алексей нёс пиццу и сумку. Ящик колы оставил у входа, но Вульф сам ухватил его зубами за пластиковую перемычку и потащил следом по полу. Банки внутри глухо постукивали друг о друга.

Алексей обернулся.

— Вот видишь? Пёс понимает логистику лучше нас обоих.

— Он понимает, что кола холодная.

— Значит, умнее нас обоих.

Рабочая комната встретила их жёлтым светом лампы и хаосом, в котором не было ничего случайного.

Алексей замолчал уже на пороге.

На столе лежали фотографии, документы, флешки, чипы, образцы, блокноты, распечатки. На экране ноутбука застыл архивный кадр из Индии: ночь, ловушка, силуэт саблезубого тигра и фигура Габо у края света. Рядом лежала фотография Алисы из лабораторной группы. Красный карандаш вокруг её лица был перечёркнут злым движением.

Алексей увидел всё — и не полез сразу с вопросами. Это было умно.

Он поставил пиццу на свободный край стола, куда не попадали бумаги. Потом аккуратно опустил сумку на пол у стула. Слишком аккуратно для человека, который пришёл просто поговорить.

Габо сел первым.

Не за стол — чуть в стороне, так, чтобы видеть дверь, окно, Алексея и ноутбук одновременно. Привычка.

Вульф лёг у порога, но голову оставил поднятой. Между комнатой и коридором. Между ними и домом.

Алексей открыл верхнюю коробку пиццы.

Горячий запах сыра, теста и мяса расползся по комнате, перебил на секунду холод бумаг, пыль, металл и остаточную корицу из коридора. Габо почувствовал, что желудок сжался. Он не ел нормально давно. Кола не считается.

Алексей достал банку, щёлкнул язычком, поставил перед ним.

— Пей. Выглядишь так, будто живёшь на злости и кофеине, но кофеина не хватает.

Габо взял банку.

— Что у тебя?

Алексей сел напротив. Только теперь усталость на его лице стала видна полностью. Он держался, пока стоял у двери. Держался, пока шутил. Теперь плечи опустились на пару миллиметров. Мало кто заметил бы. Габо заметил.

Алексей положил ладонь на сумку.

— Есть информация, брат.

— По чему?

Алексей посмотрел на ноутбук. На кадр с тигром. Потом на фото Алисы. Потом на чёрную флешку, торчащую из порта.

— По всему, кажется.

Габо не ответил.

Алексей продолжил тише:

— По «Спруту». По архивам. По Красному Утёсу и базе. И, возможно, по тому, почему тебя не убрали после Индии.

В комнате стало очень тихо.

Даже Вульф перестал двигать ушами.

Габо поставил банку колы на стол, так и не сделав глотка. Несколько секунд он смотрел на Алексея без выражения. Потом перевёл взгляд на пиццу. На коробки, от которых шёл горячий запах сыра, мяса и теста.

— Ладно, — сказал он наконец. — Ты растопил моё сердце.

Алексей чуть приподнял бровь.

— Информацией?

— Пиццей, — ответил Габо. — Давай сначала поедим и выпьем. Вдруг сдохнем от сахара раньше, чем от твоих новостей.

Алексей хмыкнул, впервые за всё время почти нормально.

— И то верно.

Он открыл верхнюю коробку. Горячий пар поднялся в жёлтый свет лампы. Сыр тянулся тонкими нитями, мясо блестело жиром, тесто пахло так по-человечески, что на секунду вся комната с архивами, чипами и мёртвыми проектами стала похожа не на штаб охоты, а на кухню двух идиотов, которые слишком долго не спали.

Вульф поднял голову.

Алексей посмотрел на него и ткнул пальцем в отдельную коробку.

— Доставай долю Вульфа. Я ему отдельно взял. Без лука, без соусов и без твоей любви к химической дряни.

Габо потянул коробку к себе, открыл и заглянул внутрь.

Мясная. Почти без лишнего.

Вульф уже сидел рядом, прямой, серьёзный, с видом существа, которое прекрасно понимает ценность дипломатических даров.

— Вот видишь, — сказал Алексей. — Он хотя бы умеет ценить заботу.

— Он умеет ценить мясо, — ответил Габо.

— Уже больше, чем большинство людей.

Габо отломил кусок для Вульфа, положил в отдельную миску у стола и только после этого взял свою банку колы.

Щелчок — газ вырвался наружу. Алексей открыл вторую.

Они молча стукнули банками — не торжественно, просто чтобы звук был.

Потом Габо взял первый кусок пиццы, откусил, прожевал и только тогда снова посмотрел на сумку у ног Алексея.

— Ешь, — сказал он. — Потом будешь портить мне ночь.

Они ели почти молча первые минуты — не потому, что говорить было не о чем. Наоборот: слов было слишком много, и каждое могло открыть не ту дверь раньше времени.

Пицца быстро исчезала с коробок. Горячий сыр тянулся тонкими нитями, мясо блестело жиром, тесто хрустело по краям. Алексей ел так, будто вспомнил о голоде только сейчас, когда сел. До этого держался на дороге, на злости, на адреналине и на привычке не падать, пока дело не закончено.

Габо ел медленнее.

Не из вежливости.

Он наблюдал.

За руками Алексея. За тем, как тот берёт банку колы левой рукой, а правую лишней раз не поднимает выше плеча. За тем, как иногда морщится, когда тянется за новым куском. За засохшей грязью на воротнике. За тёмным пятном на манжете. За тем, что сумка у его ног лежит слишком аккуратно, как мина, которую пока не хотят трогать.

Вульф со своей порцией разобрался быстро, но от стола не ушёл. Сел рядом, положил тяжёлую морду на край стула и смотрел на коробки так, будто готов был признать дипломатию Алексея временно успешной.

— Нет, — сказал Габо, даже не глядя на него.

Вульф медленно перевёл взгляд на него.

— Это уже третья доля.

Пёс моргнул.

Алексей откусил кусок и хмыкнул.

— Он просто расширяет понятие справедливости.

— Он расширяет пасть.

— Рабочий инструмент.

— У тебя тоже, но я же не отдаю тебе весь ящик колы.

Алексей поднял банку.

— А зря. Я человек раненый, уставший, почти герой.

— Почти — ключевое слово.

— После того как я притащил еду в твою берлогу, мог бы быть добрее.

— Я открыл дверь. Это максимум доброты на сегодня.

Алексей посмотрел на пистолет, лежащий на полке у входа в комнату.

— С учётом того, что сначала ты хотел открыть меня, а не дверь, принимается.

Габо чуть усмехнулся.

На пару минут в комнате стало почти нормально. Почти.

Две коробки опустели. Третья ушла наполовину. Банки колы одна за другой щёлкали язычками, шипели, остывали на столе, оставляя мокрые кольца на бумагах. Габо пару раз молча сдвигал документы в сторону, чтобы жир не попал на фотографии. Алексей заметил это, но не комментировал. Пока.

Когда последний кусок из общей коробки исчез, Алексей откинулся на спинку стула, провёл ладонью по лицу и наконец посмотрел на стол по-настоящему.

Не бегло.

Не через шутку.

Его взгляд прошёл по фотографиям, по пометкам, по чипу, по открытым файлам на ноутбуке. Задержался на кадре из Индии. Потом на записи в блокноте. Потом на ноже.

— Я смотрю, ночью у тебя тут проходят высшие курсы самообразования, — сказал он.
— Или ты, как обычно, пытаешься напугать себя в зеркале?

Габо поднял глаза.

— Не получилось.

— Зеркало выжило?

— Пока.

— Значит, ты был не в форме.

Габо взял банку, сделал глоток и поставил её обратно.

— Ты хотел сначала поесть.

— Я поел.

— Тогда начинай портить ночь.

Алексей коротко кивнул.

Шутка с его лица ушла не сразу, а как свет, который медленно гаснет в длинном коридоре. Он наклонился вперёд, упёрся локтями в колени и сцепил пальцы. Правая рука всё-таки слушалась хуже. Теперь это уже не скрыть.

— По дороге сюда меня пытались остановить, — сказал он.

Габо не пошевелился.

Только Вульф поднял голову.

— Кто?

— Странные парни. Чёрный внедорожник. Без номеров. По крайней мере сзади номера не было, а спереди они успели поставить машину так, что фары били прямо в глаза.

— Где?

— На старой дороге, километрах в двадцати отсюда. Там участок узкий, лес с обеих сторон, обочины почти нет. Хорошее место, если хочешь, чтобы человек остановился и не задавал лишних вопросов.

Габо медленно отодвинул от себя пустую коробку.

— Ты остановился?

Алексей посмотрел на него так, будто вопрос был оскорблением.

— Конечно. Я же воспитанный.

— И?

— У них это плохо вышло.

Габо ждал.

Алексей потянулся к коле, сделал глоток, поморщился. Не от вкуса. От движения плечом.

— Двое вышли. Один остался за рулём. Ещё кто-то сидел сзади. Стекло тонированное, но когда фары моей машины скользнули по салону, мне показалось, там была женщина.

Габо не сказал ничего.

Но пальцы его правой руки легли ближе к ножу.

Алексей заметил.

— Я сказал «показалось».

— Ты редко говоришь «показалось».

— Поэтому и говорю. Уверенности нет. Силуэт. Волосы. Поворот головы. Может, просто отражение. Может, третий мужик с длинными патлами. Но что-то там было.

— Они представились?

— Нет. Один подошёл к окну и попросил выйти. Вежливо. Слишком вежливо для людей, которые перекрыли дорогу ночью в лесу.

— Акцент?

— Почти нет. Русский чистый, но сухой. Как у человека, который учился говорить без места рождения.

— Оружие?

— Короткие стволы под куртками. Один с ножом на бедре. Нож не охотничий. Боевой. Подготовка хорошая. Не уличные идиоты.

— Как сбежали?

Алексей усмехнулся, но криво.

— Быстро.

Габо поднял бровь.

— Подробно.

— Я открыл дверь, сделал вид, что выхожу, ударил первого дверью в колено. Второй потянулся к стволу, но слишком поздно. Я забрал у него равновесие, приложил о капот, забрал пистолет. Водитель решил, что разговор закончен, дал назад, почти скинул своего же под колёса. Тот, что был у машины, успел вытащить нож. Нож у него я тоже забрал.

Алексей поднял правую руку и показал тонкий порез у манжеты.

— Не бесплатно.

— А женщина?

— Если это была женщина, она не выходила. Только силуэт. Потом машина ушла. Очень грамотно ушла. Без паники. Без лишнего света. Через лесную просеку, которую обычный водитель ночью даже не увидит.

Габо медленно кивнул.

— Следили за тобой?

— Возможно. Или ждали меня. Или ждали любого, кто поедет к тебе.

— Машину видел раньше?

— Нет.

— Знак?

— Никакого. Вот это странно. У таких людей обычно есть либо фальшивые документы, либо фальшивые понты. Здесь ничего. Чистая машина, чистые куртки, чистая работа. Как будто их задача была не убить, а проверить.

Габо посмотрел на его сумку.

— А теперь основное.

— Да.

Алексей наклонился, расстегнул молнию. Не всю. Только верхний отсек. Внутри виднелись плотные папки, несколько носителей, тонкий защищённый планшет, пачка распечаток, перетянутая резинкой. Бумаги были помечены цветными стикерами. На одном виднелась надпись, сделанная чёрным маркером: S-982.

Габо узнал почерк Алексея.

Крупный. Неровный. Солдатский. Не для красоты — чтобы читать в машине, под дождём, в свете фонаря.

— Мы расшифровали и разобрали с парнями всё, что осталось от данных, — сказал Алексей. — Не полностью. Там половина архива в мясо. Что-то стёрто, что-то порезано, часть файлов восстановилась кусками. Но общий скелет виден.

Габо молчал.

Алексей достал верхнюю папку и положил на стол.

— И знаешь...

Он повернул её к Габо.

На первой странице была распечатка кадра.

Плохая. Зернистая. Ночная. Снятая явно издалека.

На ней была поляна в индийских джунглях. Сеть. Тёмная туша саблезубого тигра в ловушке. И Габо, выходящий из тени.

Алексей постучал пальцем по изображению.

— Ты неплохо смотришься в кадре.

— Да, — сказал Габо. — Я уже видел эти кадры.
Он повернул ноутбук к Алексею.

На экране стоял тот же зернистый снимок: индийская поляна, сеть, тёмная масса тигра, Габо на границе света. Ниже были открыты ещё несколько восстановленных файлов. Часть названий распалась в бессмысленные символы, часть держалась: **S-982_FIELD, EXTERNAL_HUNTER, OBSERVATION_LOG.**

Алексей наклонился ближе.

— Видел, значит.

— Час назад. Может, два. Ночь сегодня щедрая.

— А вот дальше ты не видел.

Алексей открыл свою папку, вытащил несколько распечаток и положил их поверх пустой коробки из-под пиццы. Бумага была свежая, с резким запахом принтера. Поля исписаны пометками. Вверху — французский текст. Ниже — русский перевод, напечатанный мелким шрифтом.

Габо медленно взял первый лист.

Французский язык.

Он не любил, когда тайные сволочи ещё и эстетствовали.

Первая строка была подчёркнута красным:

Objet intéressant. Comportement non standard. Préparation élevée. Nécessité d'obtenir davantage de données. Échantillons génétiques souhaitables.

Ниже перевод:

Объект интересен. Поведение нестандартное. Подготовка высокая. Необходимо получить больше данных. Желательны генетические образцы.

Габо некоторое время смотрел на текст.

Потом поднял глаза на Алексея.

— Объект?

Алексей молча кивнул.

Габо опустил взгляд обратно.

— Генетические образцы?

— Да.

— Мои?

— Похоже на то.

В комнате стало тише.

Вульф перестал облизывать миску и поднял голову. Пёс не понимал слов на французском, но прекрасно понимал, когда воздух возле хозяина меняется.

Габо положил лист на стол очень аккуратно.

Слишком аккуратно.

— Продолжай.

Алексей вытащил следующую распечатку.

Там был другой кадр. Уже не Индия.

Чёрно-серое изображение, снятое сверху и сбоку. Свет фонаря режет тьму узким клином. В кадре — вход в шахты. Металлический портал. Ржавые створки. Следы когтей на краю двери. И Габо.

Крупнее, чем на индийском снимке.

Он стоит у входа, чуть повернув голову, с фонарём в одной руке и оружием в другой. Рядом низко держится Вульф. На лице Габо — не страх и не удивление. Концентрация. Холодная, плотная. Такая, с которой человек не входит в шахту случайно.

Снимок был сделан до того, как они спустились внутрь.

Первый спуск.

Габо узнал момент сразу.

Он помнил запах сырости из туннеля. Ржавчину. Холод, который тянул из глубины. Вульфа рядом. Ту секунду перед входом, когда любой нормальный человек ещё мог развернуться.

Кто-то уже тогда смотрел.

— Хороший ракурс, — сказал Габо.

Алексей не улыбнулся.

— Есть ещё.

Он положил третий лист.

На нём был фрагмент лога. Снова французский. Снова перевод ниже.

Le sujet entre dans la zone sans hésitation. Réaction canine confirmée. Le chien détecte les anomalies plus tôt que le sujet humain. Couple opérationnel dangereux.

Перевод:

Субъект входит в зону без колебаний. Реакция собаки подтверждена. Пёс обнаруживает аномалии раньше человеческого субъекта. Оперативная пара опасна.

Габо медленно повернул голову к Вульфу.

Пёс смотрел на него спокойно.

— Слышал, брат? — сказал Габо. — Мы теперь оперативная пара.

Вульф фыркнул.

— Он возмущён, — сказал Алексей. — Его называли собакой.

— И мало дали пиццы.

Алексей достал ещё один лист и положил поверх остальных.

На этот раз фото было совсем крупным.

Лицо Габо.

Не полностью чёткое, но достаточно. Чуть снизу, с длинным фокусом. Глаза под тяжёлыми бровями. Рот сжат. На щеке тень. Взгляд направлен не в камеру, а в темноту шахты.

Под снимком была короткая подпись:

Sujet G.S. — réponse prédatrice marquée.

Перевод ниже:

Субъект G.S. — выраженная хищная реакция.

Габо посмотрел на подпись.

Потом на Алексея.

— Субъект G.S.?

— Да.

— Они даже имя поленились написать.

— Может, берегли бумагу.

— Или боялись, что оно укусит.

Алексей всё-таки коротко усмехнулся, но сразу снова стал серьёзным.

— Там дальше хуже.

Габо не ответил.

Он взял лист с крупным планом, поднёс ближе к лампе и долго смотрел на собственное лицо.

Не на фотографию.

На то, что они в ней увидели.

Выраженная хищная реакция.

Хорошие слова.

Чистые.

Лабораторные.

Никто из тех, кто писал это, не стоял тогда у входа в шахту. Никто из них не чувствовал, как из темноты тянет кровью, ржавчиной и чужим разумом. Никто из них не слышал, как Вульф перестал дышать на полсекунды, прежде чем сделать первый шаг.

Но они смотрели.

Считали.

Описывали.

Габо медленно положил лист на стол.

— Значит, Индией они не ограничились.

— Нет, — сказал Алексей. — Они вели наблюдение и на Урале.

— До шахт?

— Да.

— Во время?

Алексей выдержал паузу.

— Похоже, да.

Габо посмотрел на ноутбук. Потом на распечатки. Потом на фотографию Алисы, лежавшую в стороне, частично закрытую листом с французским переводом.

— Интересно, — сказал он тихо. — Очень интересно.

— Дальше ты не видел, — сказал Алексей.

Он сдвинул в сторону пустую коробку из-под пиццы, вытер пальцы о бумажную салфетку и только потом полез в сумку. Не суетился. Это уже не было похоже на дружеский ночной визит с едой. Теперь он работал. Спокойно, привычно, как человек, который в жизни слишком часто доставал из сумки вещи, после которых разговоры становились тяжелее.

Сначала на стол легла тонкая папка в сером пластиковом переплёте.

Потом вторая.

Потом планшет в защищённом корпусе, с резиновыми углами и трещиной на левом нижнем краю.

Потом несколько листов, скреплённых чёрным зажимом. На верхнем был французский текст, ниже — перевод. На полях — пометки Алексея, чужая техническая расшифровка и несколько красных кругов вокруг кодов доступа.

Габо не трогал бумаги.

Смотрел.

Алексей раскрыл первую папку.

— Мы восстановили не всё. Часть данных сгорела вместе с серверной, часть была стёрта до нас, часть кто-то порезал так, чтобы остались только технические хвосты. Но мои ребята неплохо покопались. Особенно в кэше, временных копиях и старых индексах. Там осталось больше, чем они думали.

— Они? — спросил Габо.

— Те, кто чистил. Или те, кто надеялся, что огонь решит всё за них.

Алексей повернул к нему первый лист.

Это была карта.

Не обычная карта, не топографическая и не военная в чистом виде. Слишком много слоёв. Подложка была серой, бледной, с границами стран, горными массивами, береговыми линиями, транспортными узлами. Поверх неё — десятки точек.

Красные.

Синие.

Жёлтые.

Чёрные.

Некоторые были одиночными. Некоторые собирались в группы. У нескольких рядом стояли короткие буквенно-цифровые обозначения: S-CLUSTER, B-FIELD, A-03, NODE-7, CAGE ROUTE, ARCHIVE MIRROR.

Габо наклонился ближе.

Индия была отмечена красным кольцом.

Урал — чёрным.

Рядом с Уралом стояли две точки: одна возле Красного Утёса, вторая глубже, примерно там, где находилась лаборатория и шахты. Третья точка была бледной, почти прозрачной. Неактивной или стёртой. Под ней едва читалась подпись: FIELD ERASURE EVENT.

Габо прищурился.

— Вот это мне уже не нравится.

— Там много такого, что тебе не понравится, — сказал Алексей. — Красные точки — активные или бывшие активные лаборатории. Синие — логистические узлы. Склады, перевалочные базы, маршруты перевозки клеток, биоматериала, оборудования. Жёлтые — наблюдательные площадки. Не всегда лаборатории. Иногда просто места, где стояли камеры, дроны, ретрансляторы, временные группы. Чёрные...

Он замолчал.

Габо поднял взгляд.

— Чёрные что?

Алексей постучал пальцем по точке рядом с Уралом.

— Чёрные — места, где что-то пошло не по плану. Прорыв объекта. Утрата контроля. Массовая гибель персонала. Или зачистка.

— А прозрачная точка?

— Отдельная категория. Её ребята вытащили из битого слоя. Она не должна была отображаться на карте. Там стоял маркер не объекта, а события.

Габо медленно прочитал подпись ещё раз.

FIELD ERASURE EVENT.

— «Полевое событие стирания», — перевёл он тихо.

— Да.

— Это про поляну.

— Похоже.

Габо молчал.

Алексей не мешал. Он уже видел эту карту. Успел привыкнуть к её мерзости. Габо видел впервые, и по лицу было ясно: он не просто смотрел на точки. Он вспоминал снег, тушу В-12, огонь из шахт, потом пустую землю, молодые деревья и отсутствие выхода, через который они сами вышли живыми.

— Они это классифицировали, — сказал Габо.

— Что?

— Исчезновение поляны. Это не случайная заметка. Не паника в отчёте. У них для этого есть категория.

Алексей кивнул.

— Я тоже так подумал.

Габо провёл пальцем над картой, не касаясь бумаги.

— Индия красная. Урал чёрный. А вот это?

Он указал на группу точек в Европе. Потом на юг Азии. Потом на север Африки. Потом на побережье, где красная точка была соединена синей линией с морским портом.

— Предположительно лаборатории, — сказал Алексей. — Не все подтверждены. Часть могла быть архивными узлами или временными станциями. Но структура одна. Там, где крас-

ные точки, рядом почти всегда синие. Если есть объект, есть маршрут. Если есть маршрут, есть узел изъятия.

— Тела.

— Тела, образцы, клетки, оборудование, носители. Всё, что нельзя оставлять местным.

Габо усмехнулся без веселья.

— Значит, тигра они увезли не в панике. У них был маршрут.

Алексей положил рядом второй лист.

На нём была схема движения. Не карта мира, а логистическая цепочка.

S-982 / FIELD LOSS

CAGE TRANSPORT UNIT

RECOVERY TEAM

BIO-MATERIAL PRIORITY

TRACKING CHIP: NOT CONFIRMED

ROUTE: INDIA NODE → SEA TRANSFER → ARCHIVE NODE

Часть строк была на французском.

Ниже перевод:

«Объект S-982. Потеря полевого контроля.

Транспортная клетка повреждена.

Группа возврата активирована.

Приоритет: полный биоматериал.

Чип слежения: не подтверждён.

Маршрут: индийский узел — морская передача — архивный узел».

Габо постучал пальцем по строке про чип.

— Они не нашли его.

— Да.

— Поэтому Романов получил тревогу.

— Возможно. В другом фрагменте есть пометка, что «R» уведомлён после неполного возврата.

— «R» — Романов?

— Почти наверняка. Но там не имя. Только буква и уровень допуска.

Алексей достал ещё один лист.

На нём была таблица.

Не обычный список сотрудников. Скорее матрица доступа. Слева — уровни. Справа — разрешённые зоны, типы данных и группы проектов.

LEVEL 1 — SUPPORT / MAINTENANCE

LEVEL 2 — FIELD STAFF

LEVEL 3 — BIO-LAB ACCESS

LEVEL 4 — PROJECT LEADS

LEVEL 5 — STRATEGIC CURATORS

LEVEL 6 — OCTOPUS INNER

Габо тихо прочитал последнюю строку.

— Внутренний контур «Спрута».

— Переводчик тоже так выдал. У них в оригинале не «octopus» как эмблема, а именно внутреннее обозначение. *Pieuvre intérieure*. Французы, мать их.

— Уровни допуска?

— Да. Романов, судя по остаткам, был четвёртый уровень. Руководитель научной части. Мог видеть проектные данные, отчёты, биологию объектов, но не стратегические маршруты и не полный список узлов.

— То есть он знал много, но не всё.

— Идеальный виноватый. Достаточно высоко, чтобы подписывать мерзость. Недостаточно высоко, чтобы понимать, кто держит поводок.

Габо кивнул.

Это сходилось.

Романов вёл себя именно так: человек, который знает, что виновен, но боится не своей вины, а тех, кто стоит выше.

— А Алиса? — спросил Габо.

Алексей посмотрел на него осторожнее.

— В этих таблицах её имени нет.

Габо молчал.

— По крайней мере в восстановленной части, — добавил Алексей. — Но есть обрывки по персоналу с закрытыми идентификаторами. Женские профили. Допуск третий и четвёртый уровень. Без имён, только коды. Там надо копать отдельно.

— Будем.

— Я так и понял.

Алексей открыл планшет и включил карту в цифровом виде.

На экране точки были живее. Можно было нажать на каждую. При нажатии открывалось окно с фрагментами: код объекта, статус, тип работ, допуск, последние события. Часть данных была серой, часть красной, часть перечёркнутой.

Он нажал на индийскую точку.

S-CLUSTER / PREDATORY RESPONSE

STATUS: FIELD BREACH

OBJECT: S-982

OBSERVATION: EXTERNAL HUNTER INTERFERENCE

RECOVERY: PARTIAL SUCCESS

Габо хмыкнул.

— Частичный успех. Тело забрали, чип потеряли.

— А тебя оставили.

— Ошибка.

— Возможно, не ошибка.

Алексей не стал развивать. Нажал на уральскую точку.
B-FIELD / COLD ADAPTATION

OBJECTS: B-03 / B-12 / B-17

STATUS: COMPROMISED

NOTES: CONTROL FAILURE / LOCAL MYTH ABSORPTION / FIELD ERASURE
EVENT

— «Поглощение локальным мифом», — медленно перевёл Габо.

— Это про Заступника, — сказал Алексей. — Они не просто знали, что местные придумывают легенды. Они это учитывали. В одном комментарии прямо сказано: «народная интерпретация снижает риск рационального расследования».

Габо поднял глаза.

— То есть им удобно, когда люди верят в духов.

— Конечно. Пока жители рисуют знаки на дверях, никто не ищет лабораторию под лесом.

Вульф тихо зарычал у порога.

Не громко.

Но достаточно, чтобы оба повернули головы.

Пёс смотрел на карту.

Габо снова взглянул на экран.

Там, под Уралом, была маленькая жёлтая метка. Не лаборатория. Наблюдательный узел.

OBS-NODE / VISUAL FIELD

STATUS: REMOTE ACTIVE

LAST PING: после финального боя

— После? — спросил Габо.

Алексей кивнул.

— Вот это я хотел показать отдельно. У них был наблюдательный узел, который отправил сигнал уже после того, как мы вышли из шахт. После пожара. После смерти B-12.

Габо медленно сел глубже в кресло.

— Кто-то видел, как исчезла поляна.

— Или как её убрали.

— И не поделился видео.

— Видео повреждено. Есть только кадры до и после. До — поляна, туша, копоть, следы. После — обычный лес. Между ними провал. Не технический. Временной. Как будто файл вырезали не ножницами, а вместе с куском реальности.

Габо посмотрел на него.

— Ты сейчас звучишь как Степан.

— Мне самому противно.

Алексей перелистнул папку дальше.

Теперь пошли чертежи.

Габо притянул один к себе.

На первый взгляд — анатомия. Но не животного в привычном смысле. Это были проектные схемы: скелет, мышечные группы, точки усиления сухожилий, участки кожи с повышенной плотностью, нервные узлы, пометки по болевой реакции.

В левом верхнем углу: B-12 / STRUCTURAL REINFORCEMENT.

Стрелками отмечены плечи, шея, позвоночник, суставы передних лап.

Примечания:

«Усилить связочный аппарат для рывковой нагрузки».

«Снизить болевую реакцию при поверхностных повреждениях».

«Не подавлять память на источник боли: повышает обучаемость».

«Избегать чрезмерного роста массы после фазы 3: риск нестабильности суставов».

Габо долго смотрел на последнюю строку.

— Они знали, что он будет слишком тяжёлым.

— Да.

— И всё равно гнали дальше.

— Они всё гнали дальше.

Следующий чертёж был по S-серии.

S-982 / JAW & CERVICAL MODEL.

Саблезубый тигр. Череп сбоку. Клыки. Мышцы шеи. Механика удара. Угол раскрытия пасти. Подписи к связкам. Внизу — пометки о поведенческой реакции.

«Высокая фиксация на доминирующей цели».

«После прямого визуального контакта агрессия смещается с группы на индивидуальный объект».

«Рекомендуется избегать длительного контакта взглядом при полевых тестах».

Габо засмеялся.

Тихо.

Алексей посмотрел на него.

— Что?

— Они рекомендовали не смотреть тигру в глаза.

— А ты?

— Я вышел посмотреть ему в глаза.

— Конечно.

Габо отложил лист.

— Вот почему он переключился на меня.

— У них это тоже есть.

Алексей достал перевод.

Французский текст был плотный, сухой, с научной аккуратностью, от которой становилось неприятнее, чем от крови.

Перевод:

«S-982 после контакта с внешним охотником демонстрирует смещение приоритетов. Групповые цели теряют первичную привлекательность. Индивидуальный противник с выраженным хищным поведенческим паттерном провоцирует дуэльную модель. Рекомендуется наблюдение. Потенциально полезно для изучения конкуренции хищников высокого уровня».

Габо медленно провёл пальцем по строке «рекомендуется наблюдение».

— Они не пытались остановить.

— Нет.

— Им было интересно.

— Да.

— Рабочие продолжали умирать, а им было интересно.

Алексей молчал.

Габо положил лист ровно. Слишком ровно. Потом взял другой.

Там были научные данные по генетике.

Схемы ДНК. Разные цвета цепочек. Красные вставки, синие стабилизирующие участки, чёрные зоны с пометкой «нестабильно». Рядом таблицы: источник, цель, эффект, побочные последствия.

TIGER LINE — stealth / predatory focus / territorial challenge

BEAR LINE — mass / endurance / tissue resistance

WOLF LINE — pack coordination / pursuit / scent mapping

HUMAN FRAGMENTS — cognition / memory retention / adaptive hostility

UNKNOWN MODULATOR — compliance attempt / failed

Габо остановился на WOLF LINE.

Алексей заметил.

— Да. Там есть волчья линия. Не полностью. Восстановилось мало. Но достаточно, чтобы понять: они не просто думали о стае. Они её проектировали.

— Позже, — сказал Габо.

— Это может быть важно.

— Я сказал позже.

Голос был спокойный, но в нём не было места спору.

Алексей кивнул.

— Хорошо. Сейчас Урал и архивы.

Он достал ещё несколько чертежей.

Один показывал клетку. Не ту, что Габо нашёл в Индии, но похожую по конструкции. Многослойный каркас, внутренние амортизаторы, крепления для инъекторов, углы обзора камер. На полях — отметки: «не выдерживает прямого удара S-объекта после фазы 3», «не использовать при транспортировке без двойной седации».

Второй чертёж был по шахтам.

Не старый горный план, а схема переделанного комплекса. Арена, жилые модули, серверная, боковые тоннели, вентиляция, аварийные шлюзы. Габо узнал места, по которым ходил. Узнал развилку, где они разделились. Узнал зал с трупами. Узнал серверную.

И увидел то, чего тогда не видел.

Скрытые наблюдательные ниши.

Три штуки рядом с ареной.

Одна за серверной.

Одна над выходом на поляну.

— Вот где они сидели, — сказал он.

— Или где стояли камеры.

— Нет, смотри.

Габо ткнул пальцем в маленькую отметку на схеме.

SERVICE ACCESS / HUMAN SIZE ONLY.

— Проход только для человека. Не для медведя. Не для оборудования. Для наблюдателя.

Алексей наклонился.

— Сука.

— Да.

Габо смотрел на схему спокойно, но внутри снова начинал подниматься холод.

— Мы были там не одни.

— В серверной?

— В шахтах вообще.

— Алиса?

Габо не ответил сразу.

Он взял снимок с её лицом и положил рядом со схемой серверной. Потом рядом — карту скрытого прохода.

— Она могла уйти этим путём.

Алексей посмотрел на линии.

— Если знала схему.

— Она знала.

— Ты уверен?

Габо поднял глаза.

— Она бежала там так, будто была дома.

Алексей не стал спорить.

Он достал из папки последний блок.

— Теперь самое мерзкое.

Листы были не чертежами и не картами. Это были научные протоколы. Сухие, длинные, местами повреждённые. Заголовки:

COGNITIVE RESPONSE UNDER HUNGER STRESS

PAIN-MEMORY RETENTION

PREDATOR-TO-PREDATOR RECOGNITION

HUMAN FEAR OUTPUT AS CONTROL FACTOR

PACK OBEDIENCE TRIAL / FAILED

Габо взял первый.

Там описывали тесты голодом.

Не эмоционально. Не жестоко по тону. Именно это и било. Как будто речь шла о настройке механизма.

«Объект сохраняет способность к сложному маршруту после 72 часов голодового стресса».

«При наличии группы людей выбирает слабую цель не по доступности, а по эмоциональному эффекту на остальных».

«Крики жертв увеличивают активность объекта и ускоряют повторную атаку».

«Страх среды может использоваться как усилитель поведения».

Габо отложил лист.

Взял следующий.

Боль и память.

«Поверхностная боль не останавливает объект. Глубокая боль формирует устойчивую фиксацию на источнике повреждения».

«Объект В-12 после ранения меняет маршрут и ищет нанесшего повреждение».

«Рекомендация: использовать контролируемую боль как механизм привязки к цели».

— Они хотели сделать из ненависти поводок, — сказал Габо.

— Да.

— И удивились, что поводок оказался на их шее.

Алексей мрачно усмехнулся.

— Научный подход.

Габо взял третий протокол.

PREDATOR-TO-PREDATOR RECOGNITION.

Там уже было про него.

Не напрямую по имени. Но по сути.

«При появлении человека с устойчивыми хищными паттернами объект меняет модель поведения. Снижается хаотичная агрессия, растёт фокусировка. Объект принимает противника как конкурента, а не как пищевой ресурс. В полевых условиях может быть использовано для выведения объекта из гражданской зоны».

Габо медленно прочитал последнюю строку ещё раз.

Потом ещё.

— Вот зачем меня не убрали, — сказал он.

Алексей посмотрел на него.

— Потому что ты полезен.

— Для них я приманка.

— Или инструмент.

— Одно другому не мешает.

Габо положил лист рядом с картой.

Теперь картина была неприятно цельной.

Тигр переключился на него — они смотрели.

В-12 изучал его — они смотрели.

Уральская поляна исчезла — у них был маркер события.

В шахтах были скрытые проходы для наблюдателей.

А теперь ещё протокол, где прямо сказано: такого человека можно использовать, чтобы вытащить объект из зоны с гражданскими.

Габо медленно выдохнул.

— Они охотились мной.

Алексей ничего не сказал.

Это было хуже любого комментария.

Габо взял карту с цветными точками и снова разложил её перед собой. Лампа отражалась на глянцевой бумаге. Красные точки — лаборатории. Синие — маршруты. Жёлтые — наблюдение. Чёрные — провалы. Прозрачные — события, которые не должны существовать в нормальном мире.

Он посмотрел на Индию.

Потом на Урал.

Потом на пустые места между ними, где сеть была не видна, но уже чувствовалась.

— Сколько точек удалось подтвердить? — спросил он.

— Надёжно? Семь.

— Сомнительно?

— Двадцать три.

— Активные?

— Не знаю. Но две точки пинговали после пожара в шахтах.

Габо поднял взгляд.

— Где?

Алексей перевёл взгляд на карту.

— Одна — северо-запад. Там, где старые закрытые зоны, леса, озёра, бывшие военные объекты.

Габо не сказал «Карелия».

Не сейчас.

— Вторая?

— Европа. Французский сектор. Возможно, не лаборатория, а архивный узел. Но язык в файлах оттуда.

Габо кивнул.

Это объясняло французский.

Не полностью, но достаточно.

Алексей собрал часть листов в стопку, но один оставил перед Габо.

На нём была фотография крупным планом.

Габо у входа в шахты. Лицо в тени, взгляд тяжёлый, Вульф рядом, фонарь режет темноту.

Подпись на французском:

Sujet G.S. — comportement prédateur confirmé. Utilisation future possible.

Перевод:

Субъект G.S. — хищное поведение подтверждено. Возможное дальнейшее использование.

Габо смотрел на эту строку долго.

Потом улыбнулся.

Очень медленно.

— Дальнейшее использование, значит.

Алексей сел тише.

Вульф поднялся у двери.

Габо аккуратно положил лист на стол, рядом с ножом.

— Вот теперь, брат, — сказал он, не отрывая глаз от подписи, — ночь действительно стала интересной.

Габо не стал сразу отвечать.

Он взял лист с крупным планом у входа в шахты, ещё раз посмотрел на подпись под фотографией, потом медленно положил её обратно на стол. Бумага легла рядом с ножом, ровно, почти аккуратно. Это движение у него часто означало не спокойствие, а наоборот: злость ушла глубже и стала работать.

Алексей это знал.

Он уже видел Габо таким в шахтах. Перед тем как тот переставал шутить и начинал считать шаги до горла противника.

Габо потянулся не к пище и не к коле. К блокноту.

Тому самому, который лежал чуть в стороне от ноутбука. На верхней странице ещё виднелись быстрые записи о сне, корице, Алисе, «Спруте». Ниже шли технические пометки по S-982, S-9834, B-12, B-17, A-03. Почерк был неровный, резкий. Не писательский. Охотничий. Слова как засечки на дереве.

Он перелистнул несколько страниц и остановился на свежей.

Там крупно было написано:

КАРЕЛИЯ.

Ниже — уже быстрее, с сокращениями:

Закрытый посёлок.

Трудный доступ.

Лесная трасса.

Военная база.

Волки.

Стая.

Терроризируют город / деревни / пригород.

Собаки исчезают без лая.

Дети. Старики.

Полиция не справляется.

Охотники не вернулись.

Военные почти не выходят за периметр.

Следы появляются / пропадают.

Нужен эксперт.

Габо развернул блокнот и молча протянул его Алексею.

— А теперь слушай меня, — сказал он. — Перед твоим приходом мне позвонили.

Алексей взял блокнот.

Сначала он смотрел на записи без выражения. Потом взгляд остановился на слове «волки». Затем ниже — «военная база». Потом — «собаки исчезают без лая». Его лицо почти не изменилось, но губы стали тоньше.

— Кто звонил?

— Незнакомый номер. Голос мужской. Представился не сразу. Я поднял трубку голосом приёмной мистера Габо. Он попросил срочную помощь моего «начальника».

Алексей медленно поднял глаза.

— Ты притворился собственной секретаршей?

— Очень профессионально.

— Не сомневаюсь.

— Сначала решил, что очередной идиот с потерянной кошкой. Оказалось — закрытый посёлок в Карелии. Стая волков терроризирует местных. Город, деревни, пригород. Полиция не справляется. Охотники пропали. Военная база сидит за забором.

Алексей больше не улыбался.

Он снова посмотрел в блокнот. Провёл большим пальцем по краю страницы, будто проверял, не дрогнет ли бумага от того, что написано на ней.

— И ты решил, что это не просто заказ.

Габо взял банку колы, но не пил. Просто держал в руке, чувствуя холод металла.

— Я решил, что звонок слишком вовремя. После флешки. После карты. После твоих французских фанатов, которым нужны мои генетические образцы. После того, как у нас в данных всплыла волчья линия.

Он наклонился вперёд и развернул карту, которую Алексей принес в папке. Большой лист лёг поверх части документов. Цветные точки снова выстроились в неприятную географию:

красные, синие, жёлтые, чёрные. Индия. Урал. Старые маршруты. Узлы. Зоны наблюдения. Лаборатории. Провалы.

Габо поставил палец на северо-запад.

— Смотри, где отмечена точка.

Алексей подался ближе.

Точка была не красная. Не такая уверенная, как индийский узел или уральский кластер. Она была бледно-жёлтая с тонким синим контуром, будто система сама не знала, к какой категории её отнести. Рядом стояла обрезанная подпись:

W-LINE / FIELD PACK NODE

ACCESS: RESTRICTED

STATUS: PARTIAL

Часть букв была смазана, но смысл читался.

Габо постукивал пальцем по точке.

— Закрытая территория. Военная база. Лес. Пропадают люди. Местные говорят «волки». Собаки не лают перед тем, как их уводят. Военные не выходят. Ничего не напоминает?

Алексей молчал.

Он уже не смотрел на блокнот. Только на карту.

— Красный Утёс, — сказал он наконец.

— Да. Только вместо медведя — стая.

Габо взял другой лист из стопки. Тот самый, где были генетические линии. Подвинул его к Алексею.

В таблице виднелись строки:

TIGER LINE — stealth / predatory focus / territorial challenge

BEAR LINE — mass / endurance / tissue resistance

WOLF LINE — pack coordination / pursuit / scent mapping

HUMAN FRAGMENTS — cognition / memory retention / adaptive hostility

Габо провёл ногтем по строке WOLF LINE.

— Самое главное — вот это.

Алексей прочитал вслух, уже без шуток:

— «Координация стаи. Преследование. Картирование запахов».

— Не просто волки, Лёша. Если это та же линия, они не бегают хаотично по лесу. Они могут делить роли. Один гонит. Второй режет отход. Третий ждёт у дороги. Четвёртый уводит собак, чтобы убрать раннее предупреждение.

Вульф тихо поднял голову.

Габо посмотрел на него.

— Да, брат. Именно.

Алексей отложил блокнот и потянул к себе распечатку с картой. Теперь он уже работал сам: глазами цеплял подписи, сравнивал цвета, искал маршруты. У него включился не друг с пищей, а человек, который на Урале вытаскивал данные из горящей серверной.

— Тут синий контур, — сказал он. — Логистический узел.

— Или перевалочная точка.

— Жёлтый — наблюдение.

— Значит, за территорией могли смотреть. Камеры, дроны, ретрансляторы, как в Индии и у шахт.

— А статус partial...

— Частичный. Повреждённый. Или не полностью активный.

Алексей поднял взгляд.

— Или незавершённый.

Габо кивнул.

— Вот это мне и не нравится.

Он потянул к себе блокнот, перевернул страницу и начал быстро писать, уже вслух, чтобы Алексей слышал ход мысли.

— Если W-линия рабочая, то угроза другого типа. Не один сильный объект. Не дуэль на поляне. Стая. Иерархия. Территория шире. Больше ложных следов. Больше давления на местных. Могут проверять периметр, уводить собак, резать слабых. Дети и старики — не случайный выбор. Низкое сопротивление и высокий страховый эффект.

Алексей поморщился.

— Это уже было в одном из протоколов.

— Да. «Страх среды как усилитель поведения».

— Мерзко.

— Зато честно. Они не просто делали зверей сильнее. Они учили их ломать людей.

Габо остановил ручку.

В комнате снова стало тихо.

Кола остывала на столе. Пицца уже перестала пахнуть горячим тестом, запах стал жирным и тяжёлым. На экране ноутбука всё ещё висел индийский кадр, где Габо стоял напротив тигра. На столе лежал его крупный снимок у входа в шахты. Подпись про «хищное поведение» смотрела на него чужим языком.

А теперь рядом с этим лежала Карелия.

Не архив.

Не прошлое.

Живой звонок.

Габо закрыл блокнот ладонью.

— Они могли позвонить случайно, — сказал Алексей, но сам в это не верил.

— Могли.

— Мог быть обычный заказ.

— Мог.

— Волки бывают опасны и без «Спрута».

— Бывают.

Габо поднял глаза.

— Но обычные волки не заставляют военных сидеть на базе. Обычные волки не уводят собак так, что те не успевают лаять. И обычные волки не появляются на карте рядом с волчьей линией разработки, которую мы только что вытащили из мёртвых данных.

Алексей провёл ладонью по лицу.

— Значит, нас ведут.

— Или проверяют.

— Или зовут туда, где уже всё пошло не по плану.

— Как в Индии. Как на Урале.

Алексей посмотрел на карту.

— Только теперь они знают, что ты знаешь.

Габо улыбнулся.

Нехорошо.

— Отлично.

— Это не «отлично».

— Нет. Отлично то, что теперь след свежий.

Вульф поднялся полностью. Подошёл к столу, положил морду рядом с картой и втянул воздух, будто мог учуять Карелию через бумагу, чернила и чужие архивы.

Габо положил ладонь ему на загривок.

— Похоже, нам показывают новую тропу.

Алексей посмотрел на него исподлобья.

— Ты уже решил ехать.

— Нет.

— Врёшь.

— Я решил узнать, кто позвонил. А потом ехать.

— Вот теперь похоже на правду.

Габо снова ткнул пальцем в строку WOLF LINE.

— Сначала добиваем данные. Всё, что есть по волчьей линии: генетика, поведение, слабости, фазы, объекты, маршруты. Потом звоним этому любителю закрытых посёлков. И если хоть половина совпадёт...

Он не договорил.

Алексей понял.

Вульф тоже.

Габо убрал руку с карты и тихо добавил:

— Тогда это уже не заказ. Это приглашение.

Глава 3: Голос из Карелии

Они проговорили всю ночь.

Не так, как говорят люди, которым нужно срочно составить план и разойтись по комнатам. Сначала всё держалось на деле: карта, волчья линия, Урал, французские записи, отметки допуска, фотографии из Индии и кадры у входа в шахты. Габо снова и снова возвращался к карте, проверял точки, сверял цвета, выводил связи в блокноте. Алексей, сидя напротив, вытаскивал из сумки новые листы, тыкал пальцем в пометки, спорил, матерился вполголоса и время от времени забывал про остывшую колу рядом с локтем.

Потом напряжение начало проседать.

Не исчезать. Просто тело больше не могло держать его на той же высоте. Ночь тянулась, лампа грелась, на столе копились пустые банки, коробки от пиццы съехали к краю, Вульф доел всё, что считал своим, и ещё половину того, что считал плохо охраняемым.

Алексей рассказывал про дорогу, про чёрный внедорожник, про парней, которые попытались остановить его так уверенно, будто весь лес был их коридором. Габо слушал, задавал короткие вопросы, потом внезапно вспоминал что-нибудь с Урала, и они оба уходили в другое: в шахты, в дым, в В-12, в тот момент, когда Алексей швырнул ему «Госпожу».

— Кстати, — сказал Габо, крутя пустую банку между пальцами, — бросок был отвратительный.

Алексей поднял голову.

— Нож ты поймал.

— Я бы и кирпич поймал, если бы у меня над головой стоял медведь размером с церковь.

— То есть спасибо?

— Я ещё решаю.

— Ты неблагодарная скотина.

— Зато живая.

— И именно поэтому я всё ещё здесь.

Они замолчали, потом оба усмехнулись почти одновременно.

Потом вспомнили Индию.

Раджива. Его тяжёлый взгляд у морга. Глупого петуха, из-за которого Габо умудрился начать дело с поражения. Алексей смеялся так, что едва не поперхнулся колой.

— Подожди, — сказал он, вытирая глаза. — Ты хочешь сказать, что легендарный охотник на людоедов проиграл петуху?

— Тактически отступил.

— Петух?

— Он был дерзкий.

— Это многое объясняет. Тигр, наверное, просто мстил за птицу.

— Ещё слово, и я расскажу всем, как ты в шахте ругался на вагонетку.

— Она первая начала.

Так ночь и рассыпалась на куски: серьёзное, смешное, мёртвое, живое. Они говорили о людях, которых вытащили. О тех, кого не успели. О Мельникове. О Романове. О Степане, которого не было в списках. О поляне, которой тоже вроде бы не было, хотя они оба помнили её слишком хорошо.

В какой-то момент Алексей сказал, что не верит в мистику.

Габо посмотрел на него.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ты просто веришь в то, что можно пристрелить.

— Это практичнее.

— Поляна не согласна.

— Вот поэтому я её и не люблю.

Ближе к утру слова стали тяжелее. Между фразами появлялись длинные паузы. Алексей уже не сидел прямо, а сползал всё ниже, пока не оказался почти поперёк дивана в гостиной. Одна нога свисала на пол, рука упала за спинку, голова съехала на подлокотник. Он ещё пытался что-то говорить про уровни допуска и французский архивный узел, но фраза оборвалась на середине.

Габо сидел на кровати с открытым блокнотом на коленях. Он не помнил, в какой момент они перебрались из рабочей комнаты в спальню. Наверное, когда Алексей заявил, что если ещё десять минут будет смотреть на схемы ДНК, то начнёт видеть себя в таблице мутаций. Габо хотел ответить, но вместо этого просто лёг поперёк кровати, не раздеваясь, поверх покрывала.

Вульф устроился между комнатами. Не у кровати и не у дивана. Ровно там, откуда можно было видеть обоих и коридор.

Дом наконец затих.

За окнами светлело серым. Не утром ещё, а тем грязным предутренним часом, когда ночь уже проиграла, но день ещё не решил вступать в свои права. Лес за ставнями молчал. На столе в рабочей комнате остались карты, фотографии, раскрытый ноутбук, пустые банки и лист с крупной надписью: «КАРЕЛИЯ».

Габо уснул последним.

Ненадолго.

Звонок телефона разорвал сон грубо, без подготовки.

Габо открыл глаза не сразу. Сначала рука нащупала нож. Потом телефон. Потом только мозг понял, что это не тревога, не взрыв, не рёв из шахты, а обычный звонок.

Он лежал поперёк кровати, одна рука свисала вниз, ботинок упирался в край одеяла. Шея затекла. Во рту было сухо, как после дешёвого виски, хотя пил он только колу.

Телефон продолжал звонить.

Алексей на диване что-то пробормотал, не открывая глаз.

— Убей его...

— Телефон?

— И телефон тоже...

Габо лениво поднял трубку, даже не посмотрев на номер.

— Да, слушаю.

На другом конце ответили почти сразу.

Голос был тот же, что ночью. Мужской. Уставший. Но теперь в нём было больше осторожности, чем паники.

— О, мистер Габо? Мы вам звонили ночью. Ответила ваша секретарша. Вам передали наш заказ?

Габо медленно открыл глаза полностью.

Несколько секунд он смотрел в потолок.

Потом повернул голову в сторону дивана. Алексей уже приоткрыл один глаз.

Габо сказал:

— Секретарша спит после тяжёлой смены.

Алексей тихо фыркнул в подушку.

Габо сел на кровати, провёл ладонью по лицу и опустил ноги на пол.

— Для начала представьтесь ещё раз — и объясните, откуда у вас мой номер. Ночью вы диктовали быстро. Посмотрим, совпадёт ли.

На другом конце коротко замялись.

— Меня зовут Павел. Павел Андреевич Лазарев. Я... я не из администрации, если вы об этом. Я здесь учу детей английскому языку. В местной школе.

Габо молчал.

Павел быстро продолжил, будто боялся, что трубку сейчас бросят:

— Ваш номер мне дали через старые контакты. Ваш старый друг Раджив. Мы работали с ним раньше. Не напрямую по таким делам, конечно. Я помогал с переводами и документами, когда он занимался одним проектом в Индии. Сейчас я в Карелии. В закрытом посёлке. Руководство города поручило мне связаться с вами, потому что я единственный, кто смог выйти на нужных людей.

Габо поднял взгляд.

Алексей уже сидел на диване, всё ещё перекошенный после сна, но глаза стали трезвыми.

— Раджив, значит, — сказал Габо.

— Да. Он сказал, что если дело касается зверей и люди уже не справляются, нужно искать вас.

— Почему я?

— Потому что здесь уже пытались справиться без вас.

Пауза.

За окном скрипнуло дерево. Вульф поднял голову.

Габо взял блокнот с пола, открыл страницу с ночными записями и посмотрел на слово «КАРЕЛИЯ».

— И как успехи? — спросил он.

Павел ответил тише:

— Плохие. Поэтому я и звоню второй раз.

Габо провёл ладонью по лицу, окончательно сгоняя остатки сна.

— Павел Андреевич, — сказал он уже другим голосом. Без ленивой хрипоты. Без игры в секретаршу. — Теперь спокойно. По порядку. Что именно происходит?

На том конце стало тише. Будто человек отошёл от других или прикрыл трубку ладонью, чтобы его не слышали.

— Волки, — сказал Павел. — Стая. Сначала думали, что обычная. У нас леса большие, зверь здесь не редкость. Но они ведут себя неправильно.

Габо поднял глаза на Алексея.

Тот уже окончательно проснулся. Сидел на диване, свесив одну ногу, волосы торчали в разные стороны, но взгляд был трезвый. При слове «неправильно» он перестал тереть лицо и тихо потянулся к блокноту.

Габо включил громкую связь и положил телефон на край стола.

— Что значит «неправильно»?

— Они не боятся людей. Но и не нападают как бешеные. Они будто выбирают момент. Сначала забирали собак. С цепи. Из дворов. Даже из закрытых вольеров. Потом начали пропадать люди, которые ходили в лес. Потом... начали подходить к домам.

— Сколько волков видели одновременно?

— Никто точно не знает. Пять. Семь. Может, больше. Иногда говорят, что видели только двух, а следов потом находили десятки.

Габо взял ручку.

На листе уже было написано: **Карелия. Закрытый посёлок. Волки. База. Дети. Старики.**

Он дописал:

Стая не показывает полный размер. Ложная численность. Следов больше, чем видимых особей.

— Размер?

— Крупные. Очень. Один охотник сказал, что таких волков не бывает. Но он сказал это до того, как пропал.

— Тела находили?

Пауза.

— Не всегда.

— А когда находили?

Павел ответил не сразу.

— Разорванные. Но не съеденные полностью. Иногда будто их бросали специально. На дороге. У калитки. У старого клуба. Один раз тело оставили у школьного забора.

Алексей медленно поднял голову.

Габо не изменился в лице.

Только ручка в его пальцах остановилась.

— У школьного забора, — повторил он.

— Да.

— Дети это видели?

— Да.

Габо сделал пометку:

Страховой эффект. Демонстрация. Не пищевое поведение.

— Полиция?

— Сначала пытались патрулировать. Потом один экипаж не вернулся. Машину нашли на лесной дороге. Двери открыты. Стёкла выбиты изнутри. Кровь была, тел нет.

Алексей тихо выругался.

Павел слышал и сбился.

— Простите?

— Продолжайте, — сказал Габо.

— После этого патрули ходят только днём и только по центральной части. В пригород почти не выезжают. Люди злятся, но все понимают почему.

— Военные.

— База закрыта. Они говорят, что не имеют приказа вмешиваться в гражданскую ситуацию. Но это ложь. Они сами боятся. Или знают больше, чем говорят.

Габо посмотрел на Алексея.

Тот уже сидел ровно.

— Кто командует базой? — спросил Габо.

— Полковник Сергеев. По крайней мере официально. Но к нему трудно попасть. Руководство города пыталось давить, но без результата. Они выделили нам пару машин, потом забрали обратно после первой же ночи.

— Волки заходили на территорию базы?

Снова пауза.

— Да.

Габо чуть наклонился к телефону.

— Вот это надо было сказать сразу.

— Два раза, — сказал Павел. — Первый раз у них пропали служебные собаки. Второй раз нашли часового у внешнего периметра. Вернее... часть его.

Алексей медленно присвистнул.

— И после этого база не выходит?

— После этого база закрылась ещё плотнее.

Габо записал:

Собаки базы. Часовой. Периметр. Военные пассивны. Возможное знание объекта / приказ не вмешиваться.

— Когда началось?

— Около месяца назад. Сначала единичные случаи. Потом чаще. Последние десять дней почти каждую ночь.

— Места нападений есть на карте?

— Да. Мы собрали всё, что смогли. Пропажи, тела, следы, где слышали вой. Руководство готово передать.

— Фото следов?

— Есть. Плохие, но есть. Несколько снимков с камер тоже. Правда, там почти ничего не видно. Только силуэты.

Габо усмехнулся.

— Силуэты мы любим.

Алексей посмотрел на него боком.

— Ты точно любишь.

Габо прикрыл микрофон ладонью.

— Ржать будешь потом.

— Я ещё не начинал.

Габо убрал ладонь.

— Павел Андреевич, теперь условия. Я не еду смотреть на «может быть волков». Я еду, если вы официально подтверждаете заказ. Доступ к картам, телам, фото, местам нападений, свидетелям, маршрутам полиции, данным базы, если удастся. Никто не мешает мне работать. Никто не лезет в лес без моей команды. И никто не стреляет в моего пса.

— Да, конечно. Я передам.

— Не передадите. Утвердите до моего приезда. Иначе я разворачиваюсь.

Павел сглотнул. Это было слышно.

— Понимаю.

— Оплата. Сто тысяч евро авансом. Ещё сто пятьдесят после ликвидации угрозы или после подтверждения источника угрозы, если окажется, что убивать надо не только зверей.

Алексей тихо поперхнулся воздухом.

Габо даже не посмотрел на него.

На том конце Павел молчал дольше, чем раньше.

— Это... большая сумма.

— У вас дети пропадают, Павел Андреевич.

— Я понимаю.

— Нет. Пока не понимаете. Если это обычные волки, вы переплатите за быструю работу. Если это не обычные волки, вы заплатите мало.

Алексей прикрыл рот рукой, но плечи у него всё-таки дрогнули.

Габо повернул голову и посмотрел на него.

— Что?

Алексей шёпотом сказал:

— Секретарша торговалась бы мягче.

Габо снова прикрыл микрофон.

— Ржать будешь потом. Ты едешь со мной.

Алексей перестал улыбаться.

— С чего это?

— Должен же кто-то кидать мне нож в нужный момент.

На лице Алексея появилась та самая ухмылка, с которой он выглядел особенно невыносимо.

— Значит, я теперь штатный метатель столовых приборов?

— Боевых. Не завышай квалификацию.

— А зарплата?

— Пицца и шанс умереть в Карелии.

— Щедро.

Габо убрал ладонь с микрофона.

— Павел Андреевич.

— Да, я здесь.

— Сумму озвучите руководству. Деньги авансом. Перевод до выезда. Координаты, контакты, карта нападений, фото следов и список пропавших отправите на этот номер в течение часа. Если у вас есть человек, который может встретить нас на безопасной точке, укажите место. Не у посёлка. За двадцать-тридцать километров. Я сам решу, как заходить.

— Хорошо. Я всё передам.

— Не всё. Дословно.

— Да.

— И ещё. Раджив вам дал мой номер?

— Да.

— Когда вы с ним говорили?

— Вчера вечером. Я связался с ним через старую почту. Он ответил не сразу, но потом дал ваш контакт и сказал, что звонить лучше немедленно.

Габо нахмурился.

— Он знал, где я?

— Нет. Он сказал только, что если вы живы и не в джунглях, то, возможно, ответите.

Алексей беззвучно хмыкнул.

Габо записал:

Раджив дал номер вчера. Проверить.

— Хорошо, Павел Андреевич. Жду материалы. После этого скажу, беру ли заказ.

— Мистер Габо, — голос Павла стал тише. — Нам правда нужна помощь. Здесь люди уже не выходят после заката. Дети спят в школьном спортзале, потому что там стены толще и окна выше. Старики молятся. Мужики ходят с ружьями, но все понимают, что это ничего не меняет.

Габо посмотрел на лист с волчьей линией.

PACK COORDINATION / PURSUIT / SCENT MAPPING.

Потом на карту с точкой на северо-западе.

— Я понял, — сказал он. — Ждите звонка.

Он отключил связь.

Некоторое время в комнате было тихо.

Алексей сидел на диване, уже окончательно проснувшийся. Вульф стоял у стола и смотрел на телефон. Габо медленно положил ручку рядом с блокнотом, потом взял банку колы, сделал глоток и поморщился.

Кола была тёплая.

— Отвратительно, — сказал он.

— Волки?

— Кола.

Алексей покачал головой.

— У тебя редкий дар расставлять приоритеты.

Габо поднялся.

— У меня редкий дар оставаться живым.

— И куда ты?

— Умываться. Потом звоню Радживу. Потом смотрим материалы. Потом собираемся.

Алексей указал на себя.

— Мы?

Габо остановился у двери и обернулся.

— Ты слышал про нож.

— Я думал, это была нежная метафора.

— Нет. Это был приказ в дружеской упаковке.

Алексей вздохнул и откинулся на диван.

— Карелия, волки, закрытый посёлок, военные, «Спрут» и ты в плохом настроении.

Отличный отпуск.

Вульф тихо фыркнул.

Габо посмотрел на пса.

— А ты не радуйся. Тебе тоже работать.

Вульф сел ровно, будто давно был готов.

Алексей усмехнулся.

— Вот он хотя бы не спорит.

— Он умнее.

— Спорное утверждение.

— Он не приезжал ко мне ночью с пиццей и чужой кровью на рукаве.

— Потому что у него нет машины.

Габо чуть улыбнулся — коротко, почти незаметно.

Потом взгляд снова стал тяжёлым.

Он взял лист с картой, положил рядом с блокнотом Павла и провёл пальцем от уральской точки к северо-западу.

— Если это то, что я думаю, — сказал он, — там будет не охота на волков.

Алексей поднялся с дивана.

— А что?

Габо посмотрел на строку **WOLF LINE**.

— Проверка стаи.

Глава 4: Сборы

— Так, — сказал Габо, глядя на комнату. — Без паники.

Алексей сидел на диване, держал банку колы двумя пальцами и смотрел на него с видом человека, которому очень хочется сказать гадость, но он пока выбирает самую точную.

— Это ты мне или себе?

— Вульффу.

Пёс лежал у порога, вытянув передние лапы, и смотрел на них обоих так, будто давно понял всё про людей и не ждал от них ничего разумного.

— Вульф выглядит спокойнее нас обоих, — сказал Алексей.

— Потому что он не понимает, во что ввязался.

Вульф поднял голову.

Габо посмотрел на него.

— Ладно. Понимает. Поэтому и лежит.

Алексей допил колу, смял банку, промахнулся мимо мусорного ведра и проводил её взглядом. Банка покатилась под стол и стукнулась о ножку.

— Не попал, — сказал Габо.

— Я предупреждал, что метаю только ножи в драматические моменты.

— Надо было тренироваться на банках.

— Чтобы потом, когда тебя будет жрать очередной зверь, я кинул тебе колу?

— Если холодную — подумаю.

Алексей поднялся с дивана, потянулся, хрустнул шеей и поморщился.

— Чёрт. Я старею.

— Ты просто спал, свесившись с дивана, как труп в плохом морге.

— Спасибо за заботу.

— Я думал, ты уже умер. Хотел накрыть пиццей.

— Почётно.

Габо прошёл к столу, собрал несколько листов в стопку, сунул их в папку и закрыл резинкой. На столе оставался беспорядок, но уже не ночной. Ночью всё было разложено для понижения. Теперь — для выезда. То, что надо брать, лежало ближе к краю. То, что оставалось, уходило в сторону.

Алексей посмотрел на папку.

— Берёшь?

— Да.

— Данные?

— Часть.

— А остальное?

— Спрячу.

— Где?

Габо посмотрел на него.

Алексей поднял ладонь.

— Всё, забыл. Не спрашивал.

— Умнеешь.

— Очень медленно. Не пугайся.

Габо закрыл ноутбук, вытащил флешку и убрал её в небольшой металлический кейс. Кейс щёлкнул замком. Щелчок вышел тихим, но в комнате он прозвучал как точка.

Алексей кивнул на кейс.

— Это берём с собой?

— Да.

— А если нас остановят?

— Нас уже пытались остановить.

— Справедливо.

— В следующий раз они могут быть умнее.

— Тогда ты наконец оценишь моё общество.

— Я оценил пиццу.

— Начало положено.

Габо встал.

— Собираемся.

— Командирский тон.

— Хочешь, скажу ласково?

— Не надо. Я ещё не настолько готов к ужасам.

Габо вышел из комнаты. Вульф поднялся сразу, без команды. Алексей задержался на секунду, посмотрел на стол, на пустые коробки, на карту, на кейс в руке Габо, потом поднял свою сумку.

— Ну что, здоровяк, — сказал он Вульфу. — Поедем посмотреть на волков, которые, возможно, не волки?

Вульф фыркнул.

— Да, я тоже так думаю.

Они прошли в оружейную.

Дверь открылась тяжело, с низким скрипом. Внутри пахло металлом, маслом, кожей и старым деревом. Здесь было прохладнее, чем в доме. Свет включился не сразу: лампа под потолком мигнула, загудела и только потом дала ровный жёлтый круг.

Алексей остановился на пороге.

— Каждый раз, когда я захожу сюда, у меня ощущение, что мы не на охоту едем, а маленькую страну брать.

— Маленькие страны обычно хуже вооружены.

— Ты знаешь это по опыту?

— По разочарованию.

Алексей хмыкнул и поставил сумку на пол.

Габо не спешил.

Он стоял посреди оружейной и смотрел на стены. Ножи. Ружья. Винтовки. Старые револьверы. Пистолеты. Арбалет. Патронные коробки. Ремни. Чехлы. Фонари. Верёвки. Всё выглядело как хаос для человека, который пришёл впервые. Для Габо это был шкаф с мыслями.

Каждая вещь отвечала на определённый вопрос.

Что делать, если темно?

Что делать, если близко?

Что делать, если далеко?

Что делать, если зверь крупнее, чем должен быть?

Что делать, если зверей больше одного?

Последний вопрос сейчас был главным.

— Против стаи, — сказал он, больше себе, чем Алексею, — нельзя тащить лишнее.

— Отлично, — сказал Алексей. — Значит, мы берём только самое необходимое и ещё двадцать килограммов твоих «на всякий случай».

— Двадцать пять.

— Я пошутил.

— А я нет.

Габо подошёл к стойке с ножами.

Первым взял «Пламя Юга». Оно и так было при нём, но он снял ножны, вытащил клинок и проверил кромку под светом. Лезвие блеснуло узкой холодной линией. Нож лёг в руку без сопротивления, как старая мысль.

Алексей прислонился плечом к стене.

— Ты с ним сейчас разговаривать будешь?

— Он лучше слушает, чем ты.

— У него выбора нет.

— У тебя тоже, но ты сопротивляешься.

Габо убрал «Пламя Юга» обратно.

Следом взял «Призрак». Лёгкий, быстрый, почти незаметный. Проверил, как выходит из ножен, как садится на левый бок. Потом — «Тьму». Тяжёлый чёрный клинок. Для короткой дистанции, где уже не до красивых решений.

Алексей смотрел.

— Три ножа?

— Пока три.

— Я зря спросил.

— Да.

— У тебя есть нож для открывания колы?

— Любой.

— Универсальный человек.

Габо перешёл к оружию.

Он снял с крепления карабин, проверил затвор, магазин, крепление фонаря. Движения были короткие, точные, без показухи. Оружие щёлкало мягко и сухо.

Алексей подошёл ближе.

— Основное?

— Да.

— Почему не тяжёлую винтовку?

Габо бросил взгляд на «Мститель», стоящий на отдельной стойке.

— Стая не будет ждать, пока я красиво прицелюсь.

— Звучит обидно для старушки.

— Старушка переживёт.

— А ты?

— Посмотрим.

Он положил карабин на стол.

Потом взял помповое ружьё. Проверил ствол, цевьё, патронник. Отложил рядом. Выбрал несколько коробок патронов, но не стал раскладывать их как на выставке. Просто проверял маркировку и кидал в открытую сумку.

Алексей поднял одну коробку.

— Картечь?

— Да.

— Пули?

— Да.

— Сигнальные?

— Да.

— Что-то, от чего лес начнёт нас ненавидеть?

— Лес уже определится на месте.

Алексей вернул коробку.

— Хорошо поговорили.

Габо достал два пистолета. Один убрал в кобуру на себе, второй положил в сумку.

— Запасной?

— Для тебя, если потеряешь свой.

— Я не теряю оружие.

— Ты приезжаешь с чужой кровью на рукаве и порезом у кисти. Я не строю на тебе слишком сложных ожиданий.

— Больно, но справедливо.

Уже собираясь закрывать стойку, Габо снял с неё ещё один чехол — длинный, тяжёлый, из потёртой кожи.

Алексей присвистнул.

— А это что за артиллерия?

— Подарок из Красного Утёса, — ответил Габо, расстёгивая чехол. — Ружьё для охоты на слонов. Досталось людям от прадеда, который никогда не рассказывал о своей работе.

— Хорошая, видимо, была работа.

— Лучшая. — Габо провёл ладонью по тёмной стали, проверил затвор и застегнул чехол обратно.

— Ты же сам сказал: тяжёлое против стаи не понадобится.

— Не понадобится. Пока волки будут размером с волков.

Алексей помолчал.

— Бери, — сказал он. — Даже спорить не буду.

Алексей открыл свою сумку и начал выкладывать вещи. У него всё было иначе. Не охотничий хаос, а солдатская прямота. Одежда в плотных свёртках. Аптечка. Радиостанции. Небольшой набор инструментов. Пистолет. Магазины. Фонарь. Перчатки. Чехол с винтовкой. Тяжёлый нож.

Габо посмотрел на нож.

— «Госпожа» с нами?

Алексей вынул клинок и положил на стол рядом с габовскими ножами.

— Она обиделась бы, если бы осталась.

— После Урала имеет право.

— Она спасла твою задницу.

— Ты просто удачно бросил.

— Я бросил идеально.

— Ты бросил в мою сторону огромный кусок стали и надеялся, что я разберусь.

— И ты разобрался.

— Поэтому ты ещё жив.

Алексей улыбнулся.

— Я знал, что ты оценил.

Вульф вошёл в оружейную и сразу направился к нижней полке, где лежала его шлейка. Не ждал команды. Просто подошёл, сел и посмотрел на Габо.

Алексей ткнул в него пальцем.

— Вот. Лучший из нас. Сам пришёл собираться.

— Потому что не болтает.

— Он просто не умеет.

Вульф повернул голову к Алексею.

Алексей поднял руки.

— Всё, молчу.

Габо достал шлейку. Широкие ремни, плотная ткань, крепления для маяка и фонаря. Не броня в военном смысле, но защита от веток, зубов, когтей и случайной дряни, которую лес обычно дарит самым самоуверенным.

Он присел перед Вульфом.

— Давай.

Пёс сам сунул голову в петлю.

Габо застегнул ремни, проверил посадку под грудью, провёл пальцами под лямками, чтобы нигде не жало. Вульф терпел с видом существа, которому вся эта человеческая возня неприятна, но понятна.

— Красавец, — сказал Алексей.

Вульф даже не посмотрел.

— Он не любит дешёвые комплименты, — сказал Габо.

— А дорогие?

— Мясом.

— Понял. Практичный мужчина.

Габо закрепил маленький маяк на шлейке. Проверил сигнал на приёмнике. Маяк мигнул зелёным.

— Если решишь геройствовать, — сказал он Вульфу, — хотя бы делай это в пределах связи.

Вульф фыркнул.

— Он обещал подумать, — перевёл Алексей.

— Он обещал сделать по-своему.

— Семейное сходство.

Габо не ответил. Просто бросил в сумку запасной поводок, аптечный пакет для Вульфа и пару герметичных пакетов с мясом.

Алексей заметил.

— Ему мясо, нам кола и пицца?

— Он работает лучше.

— Справедливо, но неприятно.

Сборы пошли быстрее.

Габо двигался по комнате без суеты. Не метался, не бормотал списки, не копался долго. Он выбирал, проверял и укладывал. Каждая вещь проходила через руки. Если вызывала сомнение — оставалась. Если могла понадобиться — бралась. Если была «может быть красиво» — шла обратно на полку.

В сумку легли фонари, запасные батареи, верёвка, карабины, складной крюк, аптечка, термоодеяло, перчатки, сухпай, вода, маленький набор для образцов, пара сигнальных ракет, ножовка, изолента, стяжки, запасные носки.

Алексей смотрел на стяжки.

— Людей вязать?

— Ситуации разные.

— Хороший ответ для суда.

— Суду я обычно не нравлюсь.

— Не представляю почему.

Габо достал тёплую одежду. Карелия требовала не красоты, а терпения: термобельё, плотная рубашка, свитер, куртка, непромокаемые штаны, перчатки, шапка. Он бросил часть вещей Алексею.

Тот поймал.

— Что это?

— Наденешь.

— У меня есть своё.

Габо посмотрел на его куртку.

— У тебя есть мнение. Это хуже.

— Ты сейчас снова критикуешь мой внешний вид?

— Я критикую твоё желание замёрзнуть.

— Забота?

— Экономия сил. Если ты окоченеешь, мне придётся тебя тащить.

Алексей развернул куртку, потрогал ткань.

— Неплохо.

— Не благодари.

— Я и не собирался.

— Вот поэтому ты мне нравишься.

— Прозвучало почти тепло. Я испугался.

Они переоделись без церемоний. Алексей ворчал, что Габо одевает его как капризного ребёнка. Габо отвечал, что ребёнок хотя бы меньше жрёт и не спорит про ботинки. На ботинках они застряли отдельно.

Габо посмотрел вниз.

— Нет.

Алексей проследил за его взглядом.

— Что опять?

— Ботинки.

— Нормальные ботинки.

— Для города. Для базы. Для того, чтобы красиво зайти в кабинет и сделать серьёзное лицо.

— Я умею делать серьёзное лицо.

— Ботинки всё равно дрянь.

Алексей вздохнул.

— Ты невыносим.

Габо достал с нижней полки другую пару и кинул ему.

— Надень.

Алексей поймал ботинки, посмотрел размер, потом на Габо.

— Откуда ты знаешь мой размер?

— Ты оставляешь следы.

— Это не ответ, это диагноз.

— После Урала ты хромал. Я запомнил.

Алексей несколько секунд молчал.

— Иногда с тобой очень неприятно дружить.

— Зато полезно.

— Это не спорю.

Он переобулся.

Прошёл пару шагов.

Помолчал.

— Удобно.

— Знаю.

— Самодовольная сволочь.

— Тоже знаю.

Габо закрыл первую сумку. Потом вторую. Проверил ремни, застёжки, вес. Поднял одну, перекинул через плечо, поставил обратно.

Алексей потянулся за ящиком колы, который стоял у стены.

Габо посмотрел на него.

— Нет.

— Да.

— Мы едем не на пикник.

— Именно поэтому берём колу.

— Она занимает место.

— Она поддерживает моральный дух.

— Твой?

— Общий. Вульф тоже одобряет.

Вульф посмотрел на ящик.

Габо посмотрел на Вульфа.

Вульф отвёл глаза, но поздно.

— Предатели, — сказал Габо.

Алексей поднял ящик.

— Записывай: кола утверждена большинством голосов.

— У нас диктатура.

— Тогда диктатор устал и плохо сопротивлялся.

Габо махнул рукой.

— Один ящик.

— У меня в машине ещё пол-ящика.

— Алексей.

— Что?

— Я тебя сейчас пристрелю.

— Но кто будет кидать нож?

Габо замолчал.

— Вот видишь, — сказал Алексей. — Я стратегический ресурс.

— Грузите колу, стратегический ресурс.

Они начали выносить вещи.

Сначала сумки. Тяжёлые, плотные, неудобные в дверях. Потом чехлы с оружием. Потом кейс с данными. Потом коробку с остатками пиццы, потому что Алексей заявил, что выбрасывать еду перед дорогой — дурная примета, а Габо ответил, что дурная примета — это тащить остывший сыр в машине. Вульф поддержал Алексея молчаливым присутствием у коробки.

На улице было серо.

Утро уже прошло, но день не стал светлым. Небо висело низко, тяжёлое, с тусклым северным оттенком, будто заранее репетировало Карелию. Воздух был холодный, влажный. Лес вокруг дома стоял спокойно, но Габо всё равно на секунду задержался на крыльце.

Он вдохнул.

Корицы не было.

Ни сдобы.

Ни чужого тепла.

Только мокрое дерево, хвоя, земля и бензин от машины Алексея.

Это было лучше.

Не спокойнее. Просто честнее.

Алексей уже возился у багажника.

— У тебя багажник как пасть у крокодила, — сказал он. — Вроде большой, а всё равно пытается откусить мне пальцы.

— Не суй пальцы куда попало.

— Глубокая философия.

Габо поставил сумку в багажник, сдвинул ящик с инструментами, уложил оружейные чехлы вдоль борта — карабин и слоновье ружьё из Красного Утёса. Алексей подал вторую сумку. Потом кейс.

— Осторожно, — сказал Габо.

— Там данные?

— Там причины, по которым нас будут пытаться убить.

Алексей поставил кейс мягче.

— Нежная штука.

— Очень.

Вульф стоял рядом с машиной и ждал, пока люди закончат бессмысленную, с его точки зрения, возню с вещами. Шлейка на нём сидела плотно, маяк молчал. Пёс был готов ехать уже давно.

Алексей занёс ящик колы и поставил его на пол за передними сиденьями.

Габо посмотрел.

— Он будет греметь.

— Пусть звери знают, что мы едем.

— Ты хочешь напугать стаю алюминием?

— Вдруг у них тонкая психика.

Габо переставил ящик ниже, за сиденье, поджал сумкой.

— Вот так.

— Ты даже колу укладываешь тактически.

— Иначе ты её потеряешь.

— Я уже чувствую, что поездка будет длинной.

Они вернулись в дом ещё раз.

Габо прошёл по комнатам молча. Рабочая комната. Кухня. Коридор. Спальня. Ванная. Не проверка на забытые вещи. Проверка дома перед уходом. Окна закрыты. Плита выключена. Сейф закрыт. Лишние бумаги убраны. Двери внутри оставлены так, как он любил: одна открыта, две прикрыты, чтобы по возвращении сразу понять, если кто-то был внутри.

Алексей наблюдал с порога.

— Ты всегда так?

— Да.

— Паранойя?

— Опыт.

— Тоже хорошее слово.

Габо забрал со стола последний предмет — маленькую потёртую гильзу. Покрутил в пальцах, положил обратно. Не взял.

Алексей кивнул на неё.

— Талисман?

— Напоминание.

— О чём?

— Что иногда хватает одного выстрела.

— А иногда?

— Иногда не хватает и всех.

Алексей не стал шутить.

Они вышли.

Габо закрыл дом. Ключ повернулся туго. Засов лёг в паз с тяжёлым металлическим звуком. Потом второй замок. Потом скрытая защёлка в нижней части двери. Алексей смотрел на это с интересом.

— Если я когда-нибудь забуду у тебя куртку, я просто куплю новую.

— Разумно.

— А если мне очень надо будет войти?

— Звони.

— А если ты не ответишь?

— Значит, тебе не надо.

— Дружба с тобой очень бодрит.

Габо спустился с крыльца.

— В машину.

Вульф запрыгнул первым. Развернулся на заднем сиденье, улёгся так, чтобы видеть и Габо, и Алексея, и дорогу через лобовое стекло. Хвостом задел ящик колы. Банки глухо звякнули.

— Осторожнее с моральным духом, — сказал Алексей.

Вульф посмотрел на него без уважения.

Алексей сел на пассажирское сиденье, пристроил сумку под ноги, проверил пистолет, потом ремень безопасности.

— Слушай, а мы вообще когда-нибудь поедem куда-то нормально? На море, например.

Габо сел за руль.

— Ты, я и Вульф на море?

— Да. Пляж. Шезлонги. Холодная кола.

— Через час ты найдёшь труп.

— Почему я?

— Потому что я буду спать.

— А Вульф?

Габо посмотрел в зеркало.

Вульф устроил морду между передними сиденьями.

— Вульф будет делать вид, что он не с нами.

— Умный пёс.

— Я говорил.

Габо завёл двигатель.

Машина дрогнула, ожила низким ровным гулом. Ворота впереди начали медленно открываться. За ними тянулась лесная дорога, мокрая, тёмная, с колеями, уходящими между деревьев.

Алексей посмотрел на дом.

— Оставляешь всё это без присмотра?

— Дом сам за собой присмотрит.

— Мне почему-то не хочется уточнять.

— И правильно.

Машина тронулась.

Колёса мягко прошли по сырой земле у ворот, потом вышли на дорогу. Дом остался позади, закрытый, молчаливый, тяжёлый. В окнах не было света. Только тёмные стёкла, в которых отражался лес.

Алексей достал банку колы из-под сиденья.

Габо покосился.

— Мы отъехали тридцать метров.

— Надо отметить начало экспедиции.

— Ты неисправим.

— Зато гидратирован.

Алексей открыл банку. Газ шипнул.

Вульф сзади поднял голову.

— Нет, — сказали Габо и Алексей одновременно.

Пёс лёг обратно.

Несколько минут они ехали молча.

Лес шёл по обе стороны дороги. Серые стволы, мокрые ветки, низкое небо между вер-хушками. Машина качалась на неровностях. В багажнике тихо постукивало снаряжение. Где-то сзади иногда звякала кола, как глупое напоминание, что люди способны тащить с собой сахар даже на охоту за чудовищами.

Алексей откинулся на сиденье.

— Значит, план такой: едем, смотрим, что за волки, стараемся не умереть, потом ты берёшь деньги, а я моральную компенсацию пиццей?

— Примерно.

— А если это не волки?

Габо смотрел на дорогу.

— Тогда импровизируем.

— Ненавижу, когда ты так говоришь.

— Почему?

— Потому что у тебя «импровизируем» обычно значит «Алексей, кинь мне нож, пока меня ест экспериментальная ошибка природы».

— Рабочая схема.

— Вот именно.

Габо чуть улыбнулся.

Не весело, но живо.

— В этот раз постарайся кинуть ровнее.

Алексей сделал глоток колы.

— В этот раз постарайся не стоять между мной и целью.

— Не обещаю.

— Тогда не жалуйся.

Вульф тихо фыркнул сзади.

Габо посмотрел в зеркало.

— И ты туда же?

Пёс закрыл глаза.

Алексей усмехнулся.

— Он уже выбрал сторону.

— Предательство начинается с пиццы.

— Как и все крепкие союзы.

Дорога впереди уходила в серый лес.

Габо прибавил скорость.

Дом окончательно исчез за поворотом. Впереди была Карелия, закрытый посёлок, стая, страх, военная база и слишком много совпадений для одной охоты.

Но пока в машине пахло холодной колой, оружейным маслом, мокрой хвоей, псом и остатками пиццы.

Почти нормальное начало.

Для них — вполне.

Глава 5: Дорога на север

Дорога оказалась долгой, но спокойной. По крайней мере, первые несколько часов именно так и казалось.

Машина уверенно шла по трассе, оставляя за собой города, развязки, заправки и последние признаки привычной жизни. Серое утро медленно перешло в такой же серый день. Небо не менялось, только поднималось выше, освобождая место для дороги, которая тянулась перед ними ровной тёмной полосой. Временами начинался мелкий дождь, слишком слабый, чтобы включать дворники на постоянный режим, но достаточно назойливый, чтобы стекло быстро покрывалось тонкой водяной пылью.

Габо вёл спокойно, почти не меняя скорости. Одна рука лежала на руле, вторая время от времени тянулась к банке колы, стоявшей в подстаканнике. Музыка он не включал. Мотор гудел ровно, шины шелестели по мокрому асфальту, а где-то в багажнике с каждым неровным участком дороги тихо постукивало снаряжение.

Алексей первые полчаса ещё пытался разговаривать, потом замолчал и задремал, привалившись головой к стеклу. Новые ботинки он признал удобными, но вслух об этом больше не упоминал, будто одно признание уже нанесло его самолюбию достаточный ущерб. Вульф растянулся на заднем сиденье, заняв почти всё свободное пространство. Пёс спал глубже Алексея, но каждое резкое движение машины заставляло его приподнимать голову и несколько секунд смотреть вперёд, проверяя, не изменилось ли что-нибудь важное.

Габо не спал.

После ночи за столом, сна с Алисой и короткого приступа перед зеркалом усталость ощущалась странно. Тело требовало отдыха, но голова оставалась ясной, холодной и слишком активной. Мысли шли параллельно дороге. Не мешали вести машину, не путались, просто двигались рядом, складывая события в длинную цепь.

Индия. Тигр. Клетка. Чип. Романов. Урал. «Бастион». Алиса. Французские записи. Волчья линия. Карелия.

Слишком ровная последовательность для случайностей.

Габо сделал глоток колы и посмотрел в зеркало заднего вида. За машиной тянулась пустая трасса. Несколько минут назад там шёл белый грузовик, но он свернул у последней развязки. Теперь дорога была свободна до самого горизонта.

— Если будешь так смотреть назад, — сонно произнёс Алексей, не открывая глаз, — дорога впереди обидится.

— Я думал, ты спишь.

— Я тоже.

— Не получилось?

— У тебя машина слишком удобная. Организм заподозрил ловушку.

Габо бросил на него короткий взгляд.

— Можешь выйти и идти пешком.

— Тогда тебе придётся ехать медленнее и ждать, пока я догоню.

— Не придётся.

Алексей открыл один глаз, оценил выражение его лица и снова устроился у окна.

— Настоящий друг.

— Я везу тебя в Карелию, кормлю пищей, выдал нормальные ботинки и разрешил взять колу. Чего тебе ещё надо?

— Чтобы ты перестал перечислять это как мои долги.

— Это не долги. Пока.

Алексей усмехнулся и потянулся, насколько позволял ремень безопасности. Потом посмотрел на часы и нахмурился.

— Сколько я спал?

— Часа два.

— Почему ты меня не разбудил?

— Ты не мешал.

— Звучит почти как похвала.

— Не привыкай.

Он выпрямился, дотянулся до ящика за сиденьем, вытащил банку и некоторое время возился с язычком, стараясь открыть её тихо. Банка всё равно зашипела, и Вульф на заднем сиденье поднял голову.

— Нет, — сразу сказал Алексей.

Пёс посмотрел на него внимательнее.

— Даже не начинай. Тебе вредно.

Габо хмыкнул.

— Пять коробок пиццы ему были не вредны?

— Там было мясо.

— А в коле сахар.

— Сахар не мясо.

Вульф медленно опустил голову обратно на лапы, но взгляд остался тяжёлым и осуждающим.

Алексей сделал глоток.

— Не любит меня.

— Любит. Просто считает слабым звеном.

— Почему?

— Ты делишься едой.

— Значит, он считает меня добрым.

— Нет. Легко управляемым.

Алексей задумался, потом кивнул.

— Умный пёс.

Дорога постепенно менялась. Больших населённых пунктов становилось меньше. Поля уходили, уступая место лесу. Сначала обычному, смешанному, с берёзами и широкими полосами подлеска, потом всё более плотному и тёмному. Сосны подступали ближе к трассе, иногда оставляя между собой узкие просветы, за которыми блестела вода. Озёра появлялись внезапно и так же быстро исчезали за деревьями. Серые, холодные, почти неподвижные, они казались не частью пейзажа, а провалами в земле, заполненными небом.

На обочинах всё чаще проступал камень. Тёмный гранит выходил из земли гладкими мокрыми спинами, покрытыми мхом. Дождь усилился, вода потекла по стеклу крупнее, и Габо включил дворники.

Алексей долго смотрел в окно.

— Красиво.

— Пока да.

— Ты умеешь испортить любую картину двумя словами.

— Картина сама справится, когда стемнеет.

— Мы даже не въехали толком, а ты уже решил, что лес злой.

— Лес не злой.

— А какой?

— Равнодушный. Это хуже.

Алексей перевёл взгляд на Габо.

— Ты сейчас говорил о лесе или о себе?

— О тебе.

— Тогда неправда. Я принёс пиццу.

Они проехали старую стелу с названием республики. Буквы потемнели от дождя, краска местами облупилась, вокруг основания росла высокая мокрая трава. Габо проводил знак взглядом, потом посмотрел на навигатор. До точки встречи оставалось ещё несколько часов.

— Вот теперь Карелия, — сказал Алексей.

— До этого была репетиция?

— До этого ещё можно было передумать.

— Можно и сейчас.

— Ты развернёшься?

— Нет.

— Я тоже.

— Тогда к чему разговор?

Алексей пожал плечами.

— Поддерживаю атмосферу.

Несколько минут они ехали молча. Вульф окончательно проснулся и теперь сидел, вытянув шею между передними сиденьями. Он смотрел не на дорогу, а по сторонам, время от времени втягивая воздух через слегка приоткрытое окно.

Лес здесь пах иначе. Даже человек чувствовал разницу. Меньше сухой хвои, больше воды, мокрого камня, холодной земли и мха. Воздух казался плотнее, тяжелее, но чище. В нём почти не было запаха жилья, дыма и топлива, хотя дорога оставалась федеральной и время от времени им навстречу проходили машины.

— Ну что думаешь? — спросил Алексей.

— О чём?

— О звонке. Не о пейзаже.

Габо не ответил сразу. Посмотрел на дорогу, дождался, пока навстречу пройдёт автобус, потом плавно обогнал медленно ползущий грузовик.

— Пока ничего.

— Врёшь.

— Хорошо. Думаю, что человек говорил правду.

— Павел?

— Да. Он боялся не за себя. Это слышно.

— Но?

— Но не вся правда была его. Часть ему передали.

— Руководство города?

— Или кто-то ещё. Он учитель. Не охотник, не военный, не полицейский. Он повторял то, что видел сам, и то, что ему рассказали. Это разные вещи.

Алексей поставил банку между коленями.

— Что он видел сам?

— Детей в спортзале. Страх людей. Закрытую базу. Возможно, последствия нападений. Остальное — следы, тела, патруль, часовой — могло идти от администрации.

— Считаешь, его используют?

— Возможно.

— Чтобы вытащить тебя?

— Или чтобы действительно получить помощь.

— Одно другому не мешает.

Габо кивнул.

— Именно.

Алексей посмотрел назад, на Вульфа.

— А волки?

Габо чуть уменьшил скорость. Впереди дорога пошла между скалой и озером, стала уже, повороты — резче.

— Волки нападают на людей. Бывает. Особенно зимой, при голоде, болезнях, разрушенной кормовой базе. Но здесь слишком много неправильного.

— Собаки.

— Собаки прежде всего. Увести собаку с цепи так, чтобы она не подняла шум, можно. Но не раз за разом и не из разных дворов. Если домашние псы молчат, значит, либо не успевают увидеть угрозу, либо воспринимают её не сразу как угрозу.

— Запах знакомый?

— Может быть. Или стая действует быстро и с разных сторон. Один отвлекает, другой заходит сзади. Но тогда это уже очень хорошая координация.

— Волчья линия.

— Возможно.

Габо произнёс это спокойно, без убеждённости. Он не любил влюбляться в первую версию. Слишком часто след, который выглядит идеальным, оставляют специально.

— А дети и старики? — спросил Алексей.

— Лёгкие цели.

— Или давление на город.

— Да. Если убить охотника в лесу, остальные скажут, что сам полз. Если оставить тело у школы, никто не скажет, что это случайность.

Алексей помолчал.

— Значит, они понимают, что делают.

— Если всё описано правильно.

— Ты всё ещё допускаешь обычных волков?

— Я допускаю всё, пока не увижу след.

— Даже после карты?

— Карта показывает, что кто-то работал с волчьей линией. Она не доказывает, что каждый волк в Карелии носит лабораторный номер.

— Зануда.

— Поэтому я жив.

— Я думал, потому что быстро бегаешь.

— Это тоже.

Дорога снова распрямилась. Дождь ослаб, но небо стало ниже, темнее. Солнце где-то существовало, но доказательств этому не было. Время от времени навигатор терял связь, карта зависала, потом перескакивала вперёд. Телефон Алексея сначала показывал одну полоску сети, потом остался без сигнала.

Он поднял аппарат.

— Началось.

— Что?

— Цивилизация закончилась.

— Ты всё равно никому не звонишь.

— Я люблю знать, что могу.

— Иллюзия контроля.

— Говорит человек, который прячет пистолеты в ванной.

— Это не иллюзия.

Алексей убрал телефон.

— Кстати, про твою секретаршу.

— Нет.

— Я просто хотел сказать, голос был убедительный.

— Нет.

— Павел явно представил строгую женщину лет пятидесяти, которая управляет твоей жизнью.

— Алексей.

— И, возможно, носит очки на цепочке.

Габо посмотрел на него.

— До точки встречи ещё далеко. Ты можешь не доехать.

— Но тогда нож кидать будет некому.

— Научу Вульфа.

Пёс сзади поднял уши.

Алексей повернулся к нему.

— Даже не думай. Это моя должность.

Вульф широко зевнул, показав клыки, и снова посмотрел в окно.

Алексей усмехнулся, но затем стал серьезнее.

— Ты ведь понял, что они изучали не только зверей.

— Понял.

— Тебя тоже.

— Я заметил своё лицо на фотографиях.

— Не об этом. Они записывали реакции. Смотрели, как тыходишь в зону, как выбираешь цель, как зверь меняет поведение рядом с тобой. Для них ты не случайный охотник.

Габо ничего не сказал.

— И ты слишком спокойно это воспринимаешь, — продолжил Алексей.

— Я уже позлился.

— В зеркале?

Габо повернул к нему голову.

Алексей поднял ладони.

— Всё. Не спрашиваю.

— Хорошее решение.

— Но вопрос остаётся. Почему тебя не убрали после Индии?

— Потому что я им был полезен.

— Ты веришь в это?

— Частично.

— А остальное?

Габо перестроился, пропуская встречную машину, и только потом ответил:

— Кто-то внутри системы не хотел, чтобы меня убрали.

— Алиса?

— Возможно.

— Ты легко произносишь её имя.

— Нет.

Ответ был короткий и без интонации. Алексей понял, что дальше пока не надо.

За окнами лес стал ещё плотнее. Деревья росли близко друг к другу, стволы тянулись вверх прямыми тёмными колоннами. В просветах лежали низкие болота, покрытые выцветшей травой и чёрной водой. Местами вдоль дороги стояли старые бетонные столбы, давно лишённые проводов. Один раз им попалась заброшенная остановка: покосившийся навес, скамейка без половины досок, выцветшее название населённого пункта, которого уже не было на карте.

Габо проводил её взглядом.

— Здесь много старых военных зон, — сказал Алексей. — Склады, части, станции наблюдения. Часть закрыли, часть только сделали вид.

— Удобно для лаборатории.

— Удобно для всего, что не должно попадаться на глаза.

— Особенно если рядом закрытый посёлок.

— И люди привыкли не задавать вопросов.

Габо снова посмотрел в зеркало.

Трасса за ними была пустой.

Слишком долго.

Ни попутных машин, ни грузовиков, ни редких туристов, которые ещё встречались южнее. Только мокрый асфальт, серая полоса неба и две стены леса, сходящиеся далеко позади. В другой обстановке такая дорога могла бы показаться спокойной, почти уютной, но здесь пустота ощущалась иначе. Не угрожающе. Просто окончательно. Будто за последней развязкой они оставили не только крупные города, но и саму привычку мира быть населённым.

Связь пропала полностью. Навигатор ещё держал загруженную карту, однако метка автомобиля время от времени замирала, а затем перескакивала сразу на несколько километров вперёд. По обеим сторонам трассы мелькали старые съезды, перекрытые бетонными блоками или проржавевшими шлагбаумами. Некоторые дороги давно заросли кустарником, другие выглядели вполне используемыми, хотя никаких указателей возле них не было.

Вульф больше не спал. Он сидел на заднем сиденье, положив тяжёлую голову между передними креслами, и спокойно смотрел вперёд. Ни напряжения, ни поднятой шерсти. Только обычное внимание пса, который понял, что дорога приближается к концу и скоро начнётся работа.

— До точки встречи минут сорок, — сказал Алексей, сверяясь с сохранённой картой. — Если этот прибор не решил, что мы едем по озеру.

Габо посмотрел на экран.

Синяя линия действительно на несколько секунд ушла в сторону от трассы и протянулась прямо через серое пятно воды.

— Может, предлагает короткий путь.

— Ты первый.

— Я за рулём.

— Тогда Вульф первый.

Пёс повернул голову к Алексею.

— Не смотри так, — сказал тот. — Ты тяжелее меня. Лёд под тобой хотя бы сразу признается, что слабый.

Габо усмехнулся и чуть прибавил скорость. Дождь почти прекратился, но дорога оставалась мокрой. Свет фар размазывался по асфальту бледными пятнами, хотя до темноты было ещё далеко. Северный день словно заранее начинал уставать.

Чем ближе они подъезжали к месту встречи, тем уже становилась трасса. Хорошее покрытие закончилось без предупреждения. Асфальт пошёл трещинами, по краям появились выбоины, заполненные тёмной водой. Деревья подступили ближе, и временами казалось, что ветви вот-вот начнут скрести по бокам машины.

Слева показалась старая заправка.

Сначала из-за деревьев выступил ржавый край навеса. Потом две колонки с выцветшими цифрами, низкое здание с заколоченным окном и площадка, заросшая по краям высокой травой. Название давно облезло, от вывески остался только металлический каркас. Заправка не работала, вероятно, уже много лет, но у дальней колонки стояла машина.

Тёмно-зелёная «Нива».

Фары выключены. Двигатель, судя по лёгкому пару из выхлопной трубы, работал. На крыше лежал тонкий слой дорожной грязи, заднее стекло было почти полностью забрызгано. Когда машина Габо приблизилась, водитель коротко мигнул аварийными огнями.

— Похоже, встречают, — сказал Алексей.

— Или заманивают.

— Не порть человеку первый рабочий день.

Габо не стал сразу поворачивать на площадку. Сначала проехал чуть дальше, посмотрел на дорогу впереди, на лес за зданием заправки и на зеркало. Других машин не было. Следов свежих шин, кроме «Нивы», на мокром гравии тоже не наблюдалось.

Он развернулся и остановил машину так, чтобы при необходимости выйти обратно на трассу без лишних манёвров. Двигатель не заглушил.

Дверь «Нивы» открылась.

Из неё выбрался мужчина лет сорока с небольшим. Высоким он не был, телосложением тоже не выделялся. Тёмная куртка, джинсы, крепкие ботинки, шерстяной шарф, очки в тонкой оправе. Волосы давно требовали стрижки, на лице лежала усталость человека, который последние недели спал по несколько часов и всякий раз просыпался с одной и той же проблемой.

Он не подходил сразу. Сначала поднял ладонь, показывая, что в ней ничего нет, потом остановился в нескольких метрах от машины.

Габо опустил стекло лишь наполовину.

Мужчина наклонился ближе, но не полез внутрь.

— Мистер Габо?

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Павел Лазарев. Мы разговаривали по телефону.

Голос совпадал.

Габо несколько секунд рассматривал его лицо. Потом перевёл взгляд на Вульфа. Пёс вытянул шею, втянул воздух через приоткрытое окно и не проявил никакого беспокойства.

— Значит, вы тот самый учитель английского, который по ночам нанимает охотников, — сказал Габо.

Павел устало улыбнулся.

— Последний месяц я занимаюсь гораздо большим количеством вещей, которых нет в моей должностной инструкции.

Алексей наклонился вперёд, чтобы Павел его видел.

— Секретаршу не привезли. Она после ночной смены отдыхает.

Павел несколько мгновений смотрел на него, пытаясь понять, шутка это или нет. Потом посмотрел на Габо и, судя по выражению его лица, что-то понял.

— Вы разговаривали со мной ночью?

— Приёмная мистера Габо работает без выходных.

Павел прикрыл глаза и коротко выдохнул.

— Я действительно поверил.

— Значит, голос получился хороший.

— Очень убедительный.

Алексей кивнул с серьёзным видом.

— Мы тоже считаем, что у него есть будущее в административной работе.

Габо бросил на него взгляд.

— Ты хотел что-то сказать Павлу или просто решил выйти из машины прямо здесь?

— Уже закончил.

Павел впервые за разговор улыбнулся нормально, хотя улыбка почти сразу исчезла.

— Отсюда до посёлка около тридцати километров. Дорога местами плохая, есть два поворота без указателей. Я поеду первым. На въезде пропускной пункт. Ваши данные я передал, но документы всё равно проверят.

— Кто держит пост? — спросил Габо.

— Формально муниципальная охрана. Раньше вместе с ними дежурили военные, сейчас на внешнем посту их почти не бывает.

— Почему?

Павел отвёл взгляд в сторону трассы.

— Об этом лучше поговорить уже на месте.

— Вы именно так отвечали ночью, когда чего-то не хотели говорить.

— Я не скрываю. Просто здесь, посреди дороги, долго стоять не стоит.

Габо посмотрел на пустую заправку, на лес за её стенами, затем снова на Павла.

— Опасно?

— Не знаю, — честно ответил тот. — Но местные здесь после заката не останавливаются. Даже если ломается машина, стараются дотянуть до поста.

Алексей посмотрел на небо.

— До заката ещё далеко.

— Сейчас далеко. Здесь темнеет быстро.

Габо поднял стекло.

Павел вернулся к своей машине. Через несколько секунд «Нива» тронулась с места и первой вышла на трассу. Габо подождал, пока между ними появится дистанция, затем поехал следом.

— Обычный учитель, — сказал Алексей.

— Обычные учителя не назначают встречи на заброшенных заправках.

— Может, у них здесь так родительские собрания проводят.

— Может.

— Ты ему не доверяешь?

— Раджив доверяет.

— Это не ответ.

— Пока достаточно.

Дорога действительно стала хуже. Через несколько километров асфальт закончился, уступив широкой гравийной полосе. Колёса ударяли по камням, подвеска глухо отрабатывала ямы, а грязь летела на борта машины. «Нива» впереди шла уверенно, иногда замедлялась перед особенно разбитыми местами и коротко мигала стоп-сигналами, предупреждая о провалах.

Лес вокруг изменился. Сосны стали выше, между ними появились густые ельники, а земля под деревьями почти исчезла под мхом, камнем и тёмной водой. Несколько раз дорога проходила по узким перемычкам между озёрами. Вода лежала с обеих сторон неподвижно, отражая низкое небо. Ни лодок, ни домов, ни линий электропередачи. Только лес и вода.

Первые признаки жилья появились неожиданно. Старый дорожный знак, почти скрытый ветками. Потом линия деревянных столбов с проводами. За поворотом — несколько дачных домов, закрытых на ставни. Ещё через пару километров дорога стала ровнее, на обочине появилась свежая разметка, а впереди показался пропускной пункт.

Невысокое бетонное здание. Металлический шлагбаум. Камеры на столбах. Сетка с колючей проволокой уходила в обе стороны и терялась среди деревьев. Над дорогой висела табличка с названием посёлка, но половину букв закрывала мокрая ветка.

«Нива» остановилась перед шлагбаумом.

Из помещения вышли двое мужчин в тёмной форме муниципальной охраны. Один подошёл к Павлу, обменялся с ним несколькими словами, потом направился к машине Габо. Шёл не торопясь, однако ладонь держал возле кобуры. Не угрожал. Просто привык.

Габо опустил стекло.

— Документы.

Габо передал паспорта и пропуск, который Павел успел оформить заранее. Охранник внимательно сверил лица, отдельно посмотрел на Алексея, потом перевёл взгляд на Вульфа.

— Собака?

— Не заметил, — ответил Габо.

Охранник нахмурился.

Алексей кашлянул, скрывая смехок.

— Документы на животное есть? — спросил мужчина уже суше.

Габо протянул папку.

Тот проверил бумаги, ещё раз посмотрел на Вульфа. Пёс сидел спокойно, но занимал почти всё пространство за передними сиденьями и смотрел на охранника без особого интереса.

— В посёлке поводок обязателен.

— Пока посёлок ведёт себя прилично, — сказал Габо.

Охранник поднял глаза.

— Что?

— Будет на поводке.

Документы вернули. Шлагбаум поднялся медленно, с металлическим гулом. Павел тронулся первым, Габо последовал за ним.

За постом начинался сам посёлок.

Он оказался больше, чем представлял Габо по телефонному разговору. Не несколько домов вокруг военной части, а настоящий небольшой город, построенный в разное время и без единого плана. У въезда стояли старые пятиэтажки с тёмными швами между панелями. Дальше начинался частный сектор: деревянные дома, высокие заборы, сараи, небольшие огороды. Между ними попадались более новые здания — магазин, аптека, администрация, школа с ярко выкрашенным фасадом.

Жизнь здесь была. Люди шли по улицам, у магазина стояли машины, возле остановки ждали автобус. Но всё двигалось быстрее, чем обычно в небольших северных посёлках. Никто не задерживался на улице без причины. Дети шли группами и обязательно со взрослыми. Возле некоторых домов горел свет даже днём.

Габо замечал детали, но не комментировал.

Рано.

Пока это мог быть просто город, напуганный слухами и несколькими реальными нападениями.

Алексей смотрел в окно, когда в кармане его куртки коротко завибрировал телефон.

Не обычный аппарат. Защищённый, тяжёлый, с отдельной закрытой связью. На протяжении дороги он молчал, потому что сеть пропала ещё до границы района. Теперь экран ожил сразу несколькими уведомлениями.

Алексей достал телефон и нахмурился.

— Связь появилась?

— Служебная. Здесь свой ретранслятор.

Он открыл сообщение. Прочитал один раз, потом ещё раз, уже медленнее.

Габо бросил на него короткий взгляд.

— Что?

— Начальство вспомнило, что я существую.

— Соболезную.

— Мне оставили документы в местной воинской части.

— Какие документы?

— Не написано. «Получить лично. Ознакомиться на месте. Пакет не пересылать по открытым каналам». Контакт у дежурного.

Габо посмотрел на дорогу впереди. «Нива» Павла повернула направо, в сторону центральной части посёлка. Вдали, над крышами домов, виднелась высокая металлическая мачта. Чуть левее за деревьями тянулся сплошной бетонный забор.

— Та самая база? — спросил он.

Алексей увеличил вложенную схему.

— Похоже. Часть находится на другом краю посёлка. Отсюда минут пятнадцать.

— Очень вовремя твои начальники подготовили бумаги.

— Может, тоже любят ночные звонки.

— Или знают, зачем мы приехали.

Алексей убрал телефон, но не застегнул карман.

— В сообщении прямо сказано: забрать после прибытия.

— Значит, заберём.

— Сначала к Павлу?

Габо посмотрел на «Ниву», которая уже включила поворотник возле невысокого административного здания.

— Сначала узнаем, куда он нас привёз. Потом поедem в часть. Не хочу, чтобы местное начальство решило, будто мы прибыли в обход них.

— Дипломатия?

— Разведка. Дипломатия просто выглядит приличнее.

Алексей усмехнулся и снова посмотрел на бетонный забор, мелькавший между домами.

— Надеюсь, там действительно бумаги.

— А что ещё?

— После Урала я перестал верить, что военные части хранят только документы.

Габо плавно повернул следом за машиной Павла.

— Тогда возьми сумку.

— Зачем?

— Должен же кто-то кинуть мне нож, если бумаги окажутся агрессивными.

Алексей посмотрел на него, затем на Вульфа.

— Мы ещё даже не припарковались.

— Вот и не расслабляйся.

«Нива» остановилась возле администрации. Павел вышел, поправил шарф и направился к ним.

Алексей убрал телефон во внутренний карман.

— Ладно. Сначала руководство города. Потом часть.

Габо заглушил двигатель, но несколько секунд не открывал дверь. Посмотрел на улицу, на прохожих, на окна администрации, на дорогу, уходящую между домами к лесу.

Всё выглядело обычным.

Слишком обычным, чтобы делать выводы.

Он повернулся к Вульфу.

— Ну что, брат. Приехали.

Пёс поднялся и потянулся, упершись передними лапами в спинку сиденья.

Габо открыл дверь.

Холодный карельский воздух вошёл в салон вместе с запахом мокрого дерева, дыма из печных труб и близкой воды.

Пока больше ничем не пахло.

Администрация занимала двухэтажное здание с недавно перекрашенным крыльцом. Краска была свежая, яркая, казённо-синяя — и от этого только сильнее бросалось в глаза, что на окнах первого этажа изнутри стоят решётки. Новые. Сварные швы ещё не успели потемнеть.

Габо задержал на них взгляд ровно на секунду.

Павел заметил.

— Поставили три недели назад, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — После того случая у школы.

— Решётки на втором этаже тоже есть?

— Нет.

— Значит, они знают, что оно не лазает, — сказал Габо. — Уже что-то.

Внутри пахло бумагой, старым линолеумом и растворимым кофе. Обычный запах любой администрации в любой точке страны. Вульф вошёл без поводка — рядом с ногой Габо, шаг в шаг, как ходил всегда.

Женщина за стойкой на входе приподнялась.

— С собаками нельзя...

Вульф повернул к ней голову.

Женщина села.

— Он не собака, — сказал Габо, проходя мимо. — Он специалист.

Их ждали на втором этаже.

Кабинет главы администрации был просторным, но обжитым не по-кабинетному: на подоконнике электрический чайник, на диване подушка и сложенное одеяло, у стены — раскладушка, прислонённая ребром. Здесь не только работали. Здесь ночевали.

Из-за стола поднялась женщина лет пятидесяти пяти. Невысокая, плотная, седина собрана в короткий хвост, свитер под пиджаком. Лицо человека, который последний месяц принимал решения, не имея на них полномочий, и отвечал за них, не имея на это сил.

— Зими́на. Вера Андреевна, — она протянула руку без всяких предисловий. — Глава администрации. Спасибо, что доехали.

— Габо.

— Я знаю, кто вы. — Она посмотрела на Алексея. — А вы?

— Сопровождение, снабжение и моральная поддержка, — сказал Алексей. — В основном моральная.

— Он кидает нож, — пояснил Габо.

Зими́на восприняла это так, как воспринимала, видимо, всё в последний месяц: кивнула и не стала уточнять.

Вульфа она рассматривала дольше, чем людей.

— Это ваша собака работала на Урале?

Габо не ответил. Только чуть изменился взгляд.

— У нас маленькая страна, мистер Габо, — сказала Зими́на, вернувшись за стол. — Особенно та её часть, где живут за заборами с проволокой. Слухи ходят быстрее, чем документы. Садитесь.

Они сели. Павел остался у двери — не как хозяин и не как гость. Как человек, который привёл специалиста и теперь боится, что специалист развернётся и уедет.

— С чего начнём? — спросила Зими́на.

— С карты, — сказал Габо.

Она была готова к этому вопросу — карта посёлка и окрестностей лежала на столе для совещаний, придавленная по углам кружками. Крупный масштаб, от руки нанесённые пометки. Габо встал над ней, и на несколько минут кабинет замолчал.

— Рассказывайте по порядку, — сказал он. — Даты и точки. Только то, что видели люди, которым вы верите.

Зими́на взяла карандаш.

— Первая собака пропала шестого числа, вот здесь, Заречная улица. — Точка легла на краю посёлка. — Потом ещё две за неделю. Здесь и здесь. Потом коза у Свиридовых. Потом... — карандаш двинулся дальше, и точки пошли одна за другой, — потом рыбак. Данилов. Нашли лодку и сапог. Потом Пётр Ильич, сторож с пилорамы. Потом... у школы.

На последней точке карандаш задержался и поставил отметку жирнее остальных.

— Собаки, — сказал Габо. — Хоть одна успела подать голос?

— Нет. В том и дело. Ночью тихо, утром пустая цепь. Ни лая, ни крови, ни следов борьбы.

— Ошейники находили?

Зими́на подняла на него глаза.

— Станный вопрос.

— Правильный вопрос.

— Два, — сказала она медленно. — Оба расстёгнутые. Не порванные — расстёгнутые. Мы решили, что собак увели люди. Сначала вообще всё списывали на людей.

Алексей перестал качаться на стуле.

Габо смотрел на карту.

— Дальше. Военные. Почему на внешнем посту нет военных?

Пауза была длинной. Зими́на посмотрела на Павла, Павел — в пол.

— Потому что три недели назад у них пропал часовой, — сказала она наконец. — С вышки на внешнем периметре. Ночью. Вышка шесть метров высотой, мистер Габо. Лестница внутри. Оружие осталось наверху. Человека нет.

— И?

— И на следующий день они втянули все посты за бетон. С тех пор база молчит. У них своё командование, нам они не подчиняются и не докладывают. Продукты им возят раз в неделю, ворота открывают на семь минут. Я засекала.

Габо медленно провёл ладонью над картой, не касаясь бумаги. Точки нападения лежали неровным пунктиром по окраинам — Заречная, пилорама, лодочная станция, крайние дворы частного сектора. Он смотрел на них так, как смотрел когда-то на следы у мёртвой деревни под Уралом.

— Люди с этих улиц. Где они сейчас?

— Съехались к центру. Кто к родне, кто в пятиэтажки, кого-то мы разместили в школе. Окраины пустеют. — Зими́на устало потёрла переносицу. — Я подписала распоряжение о временном отселении. У меня нет на это полномочий. Мне уже всё равно.

— Покажите, какие дома пустые.

Она заштриховала карандашом несколько кварталов. Потом ещё. Штриховка ползла по краям посёлка неровным кольцом — и кольцо было разорвано только с одной стороны.

Со стороны базы.

Габо выпрямился.

— Вера Андреевна. Ваши охотники наверняка ходили смотреть следы. Что говорят?

— Что волков много и они крупные. Больше ничего не говорят. Двое из троих сдали лицензии и сидят дома.

— А третий?

— Третий — Пётр Ильич, — тихо сказал Павел от двери. — Сторож с пилорамы.

В кабинете стало слышно, как в чайнике на подоконнике остывает вода.

Габо задал последний вопрос, глядя не на Зимину, а на карту:

— Вой. Кто-нибудь за этот месяц слышал вой?

Зими́на нахмурилась, вспоминая. Посмотрела на Павла. Тот покачал головой.

— Нет, — сказала она. — Ни разу. Я бы знала, у нас теперь про каждый звук докладывают. А это важно?

— Волки воют, чтобы собирать стаю и делить территорию, — сказал Габо. — Эти не делят и не собирают. Им не нужно. Они уже собраны.

Он взял карандаш и одной линией соединил точки нападений. Линия обошла посёлок дугой и упёрлась обоими концами в лес по сторонам от бетонного забора.

— Вас не едят, — сказал Габо. — Вас сгоняют. С окраин — к центру. Плотнее, удобнее, под присмотр. Это не охота. Это работа пастухов.

Алексей посмотрел на карту, потом на Габо.

— И один вопрос остаётся открытым, — сказал он.

— Да, — Габо положил карандаш поперёк заштрихованного разрыва в кольце, ровно на бетонный забор базы. — Кто хозяин отары.

Вульф у окна поднял голову и посмотрел на улицу. Там ничего не было. Просто серый день становился заметно темнее, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов.

Здесь темнело быстро. Павел не соврал.

В кабинете стало тихо.

И в этой тишине Алексей поставил ногу со стула на пол.

До этого момента он сидел, покачиваясь на задних ножках, и выглядел ровно тем, кем представился, — моральной поддержкой. Теперь он встал, подошёл к карте, и что-то в нём переключилось. Исчез человек, который шутил про секретаршу. К столу подошёл офицер.

— Вера Андреевна. Теперь мои вопросы. Отвечайте коротко, если не знаете — так и говорите.

Зими́на выпрямилась на стуле. Этот тон она узнала.

— Связь. Ретранслятор, телефоны — сбои были?

— Вышка барахлит третью неделю. Заявку подали, ремонтники не едут — им нужен допуск через базу, база молчит.

— Свет?

— Два отключения. Оба ночью. Говорили — авария на линии.

— Обе аварии — в ночи нападений?

Зими́на открыла рот. Закрыла. Посмотрела на Павла.

— Первая — да, — тихо сказал Павел. — В ночь, когда пропал Данилов. Про вторую не помню.

— Проверьте. Дальше. Дороги. Сколько выездов из посёлка?

— Основной, через пост. И старая лесовозная на север.

— Что с лесовозной?

— Завалило. Ветровал, ещё в прошлом месяце... — Зими́на осеклась, услышав собственные слова. — Ещё до первой собаки.

— Кто-нибудь смотрел этот ветровал вблизи?

— Лесники собирались разбирать. Не поехали — начались нападения.

Алексей кивнул так, будто ставил галочку в невидимом списке.

— Нападения повторялись в одной и той же точке хотя бы раз?

— Нет. Каждый раз новое место.

— Конечно, — сказал он без выражения. — Сектор зачищен — следующий сектор. Последний вопрос. За месяц — хоть одно нападение в центре? Возле администрации, магазина, пятиэтажек?

— Ни одного. Только окраины. Поэтому люди и стянулись сюда...

— Поэтому, — согласился Алексей. И повернулся к Габо.

Несколько секунд они смотрели друг на друга поверх карты.

— Говори, — сказал Габо.

— Я такое видел, — сказал Алексей. — Не со зверями. С людьми. Это блокирование населённого пункта по учебнику. Сначала снимают сигнализацию — собаки. Тихо, без крови,

за неделю. Потом убирают одиночек, которые ходят там, где не надо: рыбак, сторож. Потом одна демонстративная акция в людном месте — у школы, — чтобы никто больше не спорил и все сами, добровольно, сбились в кучу. Связь придушена, один выезд под контролем поста, второй заранее закрыт «ветровалом». — Он провёл пальцем кольцо вокруг центра посёлка. — Это называется котёл. Вас собрали в него за месяц, аккуратно, без паники, и вы сами благодарны, что теперь живёте кучнее.

Зими́на смотрела на карту так, будто видела её впервые.

— Но... волки не...

— Не умеют, — кивнул Алексей. — В том и дело. Расстёгнутые ошейники, обесточенная линия, заваленная дорога — это руки. Снятый с шестиметровой вышки часовой — это подготовка. А следы вокруг — лапы. Здесь работает группа, Вера Андреевна. Просто часть личного состава в этой группе — на четырёх ногах.

— Зачем? — голос у неё сел. — Если это... если это захват — где требования? Месяц прошёл. Никто ничего не требует.

— Вот это меня и беспокоит больше всего, — сказал Алексей. — Заложников берут под требования. Если требований нет — значит, либо цель не вы... — он посмотрел на бетонный забор на карте, — либо требование ещё не предъявлено, потому что не приехал адресат.

Пауза.

— Адресат приехал сегодня утром, — сказал Габо.

Никто не переспросил, кого он имеет в виду.

Зими́на опустилась на стул. Не села — именно опустилась, как человек, у которого закончился завод. Месяц она воевала со зверями, с молчащей базой, с собственным страхом — и держалась. А сейчас ей сказали, что всё это время у происходящего был план, порядок и цель, и от этого стало не легче, а хуже. С бедой можно бороться. С замыслом надо сначала понять, чей он.

— То есть мы... — она поискала слово, — приманка?

— Вы — обстоятельства, — сказал Габо. — Приманка — это я. Разница в том, что обстоятельства стараются не трогать. Вы нужны им целыми: напуганный посёлок работает лучше разорённого.

— Это должно меня успокоить?

— Это должно вас сориентировать. Успокаивать я не умею.

— Он правда не умеет, — подтвердил Алексей. — Я пробовал.

Зими́на коротко, изумлённо усмехнулась — первый раз за встречу — и потёрла лицо ладонями. Когда она их опустила, за столом снова сидела глава администрации.

— Хорошо. Что вам нужно от меня?

— На сегодня — три вещи, — сказал Габо. — Крыша. Список людей, которые видели нападения своими глазами, — не пересказы, только очевидцы. И тишина: о том, что здесь прозвучало, — никому. Если посёлок узнает про котёл, начнётся то, чего не смогла добиться стая за месяц.

— Паника.

— Бегство. По единственной дороге, ночью, колонной. Не надо помогать пастухам.

Зими́на кивнула — раз, потом ещё раз, уже спокойнее. Ей вернули понятный формат: задачи, сроки, ответственность. В этом формате она умела жить.

Дальше договорились быстро, по-рабочему. Дом она выделила пустующий, крепкий, на границе центра и первой линии отселённых улиц. «Ближе к краю не дам, — сказала она тоном, не предполагающим спора. — А дальше от края вы сами не захотите». Габо не стал спорить. Дом на шве между живой и мёртвой частью посёлка его устраивал: отсюда было слышно и людей, и лес.

Уже в дверях он обернулся.

— Вера Андреевна. Последняя просьба на сегодня. Свяжитесь с частью. Любым каналом, какой у вас остался, — через дежурного, через продуктовую машину, хоть записку в хлебный фургон. Передайте: завтра утром к ним приедут двое. По поводу их часового.

— Они не отвечают, я говорила...

— Они не отвечают вам, — сказал Габо. — Посмотрим, как они не ответят нам. У Алексея для них тоже есть бумага. Со словом «лично».

Зими́на посмотрела на Алексея. Алексей улыбнулся ей улыбкой человека, у которого в кармане лежит что-то казённое и неприятное.

— Передам, — сказала она.

На улице их встретил вечер, наступивший на два часа раньше срока. Небо не потемнело — оно просто опустилось, легло на крыши, и посёлок включил свет. Окна загорались одно за другим, быстро, почти одновременно, как будто по команде. Никто не хотел встречать сумерки последним.

Павел довёл их до дома, отдал ключи, показал, где дрова, где колодец, где рубильник. Прощался он торопливо и всё время поглядывал на небо, как на часы.

— Утром заеду к девяти, — сказал он уже от калитки. — И... спасибо, что вы здесь.

— Не благодарите, — сказал Габо. — Мы пока ничего не сделали.

— Вы приехали. Здесь это уже много.

«Нива» уехала. Стало тихо.

Дом оказался хорошим — из тех, что строили на совесть и бросали не от бедности, а от страха. Толстые бревенчатые стены, печь, тяжёлые ставни. На подоконнике остались горшки с цветами, политыми перед самым отъездом хозяев: земля ещё держала влагу. Люди уходили отсюда недавно, быстро и надеясь вернуться.

Вульф обошёл все комнаты по периметру, сунул нос в подпол, постоял у задней двери. Вернулся и лёг у печи. Заключение было ясным: жить можно.

Габо растопил печь. Алексей тем временем занёс вещи, задвинул засовы на обеих дверях, проверил, как открываются ставни, и на глаз оценил сектор обстрела из каждого окна — всё это между делом, не прекращая рассказывать, что в доме пахнет правильной жизнью и что таких печей больше не кладут. Потом они разогрели армейские пайки, к которым Алексей, гордо продемонстрировав, добавил две последние банки колы из ящика.

— Неприкосновенный запас, — сказал он, ставя одну перед Габо.

— Мы приехали час назад.

— Поэтому запас уже неприкосновенный. Раньше он был просто запасом.

Сели у печи. Огонь работал, дрова щёлкали, за ставнями окончательно стемнело.

Габо открыл банку, сделал глоток и посмотрел на Алексея поверх неё.

— Ну что. Признавайся.

— В чём?

— Кто это был сегодня в кабинете? Стоит, ногами не качает, слова по уставу. Я тебя таким видел два раза, и оба раза в нас стреляли.

— Это называется «работа», Габо. Некоторые люди умеют её делать без ножей.

— То есть ты не только метательный снаряд с зарплатой.

— Представь себе. У меня и образование есть.

— Какое?

— Военное.

— Я думал, тебя нашли в лесу и научили кидать острое.

— Нет, сначала было училище. Кидать острое — это уже факультатив. — Алексей отпил колы. — А ты, значит, удивился.

— Я впечатлился. Это разные вещи. Удивляются чужим талантам, а впечатляются, когда бесплатное приложение к пище вдруг оказывается офицером со специализацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.